

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование кафедры)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право

(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития

Студент

К.В. Громов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный

П.А. Кабанов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

руководитель

Руководитель программы

д-р юрид. наук, профессор, С.В. Жильцов

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

«   » 20 г.

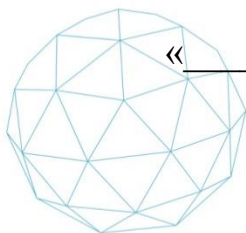
Допустить к защите

Заведующий кафедрой

«Уголовное право и процесс» С.В. Юношев

«   » 20 г.

Тольятти 2019

Росдистант

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Эволюция системы институтов российского уголовного права	7
1.1. Понятие и признаки института уголовного права	7
1.2. Структура института уголовного права	19
1.3. Институты уголовного права и внешняя форма их выражения	23
Глава 2. Проблемы классификации и систематизации институтов уголовного права	44
2.1. Классификация институтов уголовного права	44
2.2. Предпосылки системного анализа институтов уголовного права.....	51
Глава 3. Перспективы развития институтов российского уголовного права .	58
3.1. Основные направления совершенствования системы институтов российского уголовного права	58
3.2. Институциональные предпосылки формирования подотраслей российского уголовного права	63
Заключение	68
Список используемых источников.....	73-77

Введение

Актуальность исследования. Современный этап уголовно-правовой реформы в России характеризуется часто беспорядочным и противоречивым изменением Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), что обоснованно получает крайне негативную оценку со стороны представителей отечественной правовой науки.

С момента принятия и до настоящего времени законодатель внёс и продолжает вносить в действующий УК РФ многочисленные изменения, зачастую не имеющие достаточной научной обоснованности. Более того, всё чаще и чаще такие изменения не имеют системного характера. Подобного рода хаотичные изменения, вносимые в уголовный закон, негативно влияют и на существующие институты уголовного права, что предопределяет актуальность исследования, направленного на поиски оптимальных путей стабилизации ситуации и совершенствования существующих норм и институтов российского уголовного права.

В правовой теории правовой институт понимается как одна базовых основ отрасли права. Система права во многом и есть система его институтов, поскольку именно через институты юридические нормы образуют правовую отрасль.

Несмотря на то, что сама дефиниция «институт уголовного права» достаточно активно используется в научных работах, на данный момент времени практически отсутствуют научные публикации, в которых было бы представлено целостное, логически завершённое, теоретически состоятельное и ориентированное на потребности практики исследование системы институтов российского уголовного права.

Степень разработанности темы: с учётом своей специфики, данная тема не получила широкого внимания и подробной разработки в рамках научных исследований. Тем не менее, положения, касающиеся научного

обоснования, нормативного закрепления и совершенствования институтов уголовного права получили своё развитие в трудах таких авторов как: Бавсун М.В., Бажукова Ж.А., Есаков Г.А., Жук М.С., Кленова Т.В., Мальцев З.В., Рарог А.И., Тетерина Т.В., Шестаков Д.А. и др.

Объектом исследования выступает целостный комплекс теоретико-прикладных проблем, связанных с характеристикой генезиса, анализом актуального состояния и определением перспектив развития.

Предметом исследования являются закономерности формирования и развития институтов уголовного права.

Целью исследования является выявление основных направлений совершенствования системы институтов российского уголовного права.

Задачи исследования:

- рассмотреть понятие и признаки института уголовного права;
- определить структуру института уголовного права;
- оценить институты уголовного права и внешнюю форму их выражения;
- представить классификацию институтов уголовного права;
- проанализировать предпосылки системного анализа институтов уголовного права;
- выявить ключевые направления совершенствования имеющейся системы институтов российского уголовного права;
- найти институциональные предпосылки формирования подотраслей российского уголовного права.

Методология исследования предполагает использование как ряда общих, так и комплекса частных методов научного познания. Основой работы является диалектический метод познания, логический метод, метод анализа, синтеза и т.д.

Научная и практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в дальнейших научных

исследованиях обозначенной в магистерской диссертации проблематики, а также при подготовке учебных материалов для студентов.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие **положения, выносимые на защиту:**

Вопрос о системе институтов уголовного права является дискуссионным. Некоторые авторы указывают, что система институтов уголовного права классифицируется в зависимости от объема и содержания. Например, объемные институты преступления и наказания; следом небольшие институты соучастия, неоконченного преступления, условного осуждения, множественности преступлений. Некоторыми специалистами, в зависимости от объема правовой регламентации института, выделяются «моноинституты», включающие неделимые юридические нормы, и «дискретные институты», состоящие из нормативных, относительно обособленных, предписаний или групп предписаний. По содержанию институты подразделяет на регулятивные институты, устанавливающие правила поведения и правоохранные.

Уголовное право, как правовая отрасль, является системой правовых норм, которые направлены на защиту интересов государства, защиту прав граждан и охраняемых интересов, их собственности, охрану правопорядка и обязательны для исполнения всеми субъектами государства. Наука уголовного права изучает юридические факты, устанавливающие состав преступления, которые будут являться основаниями для привлечения лица к уголовной ответственности.

Главные направления улучшения системы институтов российского уголовного права:

1. Некоторые предусмотренные в УК РФ положения не оказываются непосредственно уголовно-правовыми.

2. Обратной стороной «очищения» отрасли от нехарактерных для неё предписаний выступает тенденция консолидации в институтах уголовного

права предписаний, регламентирующих уголовно-правовые отношения и размещённых сейчас в нормативных актах другой отраслевой принадлежности.

3. Важное направление в области развития отрасли - последовательное дифференцирование институтов Особенной и Общей частей уголовного права, укрепление и сохранение их функционального предназначения.

4. Системность отрасли предполагает, чтобы институты Особенной части формировались с учётом строгого следования важному единому показателю – родовому объекту посягательств.

5. Учитывая тот факт, что уголовно-правовой институт призван обеспечивать непротиворечивое и целостное воздействие на конкретную группу общественных отношений, одним из ключевых направлений в области развития отрасли нужно считать оптимизацию внутренней структуры институтов Особенной части уголовного права с помощью обобщения и параллельной детализации формирующих их предписаний.

Структура исследования: работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемых источников.

Глава 1. Эволюция системы институтов российского уголовного права

1.1. Понятие и признаки института уголовного права

Научно обоснованное структурирование правового материала является необходимым условием для обеспечения эффективного регулирования уголовно-правовых отношений, поэтому определение структуры уголовного права очень важно для обеспечения системности уголовно-правового регулирования.

Развитие отечественного законодательства в X-XVIII вв. привело к появлению множества уголовно-правовых актов и отдельных норм, имевших зачастую бессистемный и разрозненный характер, что существенно усложняло процесс правоприменения. На необходимость выделения самостоятельных уголовно-правовых институтов указывалось еще в трудах Н.С. Таганцева, который призывал формировать базовые положения, каковые являлись бы принципиальными для формирования определённых научных представлений о систематизации и строении уголовно-правовых институтов¹.

Для научного определения института уголовного права необходимо обратиться к общей теории права, согласно которой институтом права является обособленная группа правовых норм, регламентирующая однородные общественные отношения и входящая в определенную отрасль права.

Определение признаков правового института поможет нам выявить отличительные черты для грамотного толкования понятия института уголовного права, что в дальнейшем поможет нам определить систему и структурные элементы институтов уголовного права.

---

¹ Степанова В.В. Эволюция понятия юридической ответственности в истории досоветского права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. №2. С. 49-52.

При определении критериев, согласно которым выделяются уголовно-правовые институты, необходимо упомянуть функциональные институты, которые выделяются на основе не специфики предмета, а содержания обособленной операции в уголовно-правовом регулировании, касающейся всех (или конкретной части) отношений, образующих предмет отрасли. Так, Э.С. Тенчов², Т.А. Лесниевски-Костарева³, Б.В. Яценко⁴ в связи с этим называют в своих трудах два показателя формирования института - предмет (для предметных институтов) и функцию (для функциональных институтов). Мы придерживаемся мнения, что объективная необходимость в удвоении критериев при выделении правовых институтов отсутствует. Об этом было сказано еще С.С. Алексеевым, который отмечал, что «функциональные институты могут получить такого рода характеристику лишь по отношению ко всем другим предметным институтам. Если же рассматривать функциональные институты изолированно, то у каждого из них, разумеется, есть свой участок общественных отношений, а нередко ему соответствует и особая разновидность отношений»⁵. Кроме того, мы считаем, что сопоставление предмета регулирования правового института с определенным юридическим фактом позволит легче определить функциональные институты в отрасли.

Нами было проанализировано структурное наполнение правового института, которое было выражено его характерными признаками, которые выразились в наличии связанной общими принципами группы норм, их отраслевой чистотой и единым предметом регулирования. Данное наполнение необходимо будет заключить в их внешнее проявление, которое

---

² Тенчов Э.С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. 1986. №8. С. 60-61.

³ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. - М., 1998. С. 166.

⁴ Яценко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. - М., 1996. С. 51.

⁵ Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература, 1975. С. 132.

будет выражаться в обособленном закреплении определённых правовых норм в общей системе уголовного законодательства.

Также нами были проанализированы базовые признаки, необходимые для выделения уголовно-правового института. В итоге к ним были отнесены:

нормативное содержание, множественность норм, отраслевая принадлежность норм, наличие предмета правового регулирования в пределах отрасли права, наличие взаимосвязи норм в регулировании правоотношений, а также внешнее оформление норм в структуре актов, образующих источники уголовного права.

Данные признаки достаточны для формирования определения института уголовного права.

Институт уголовного права - внешне оформленный структурный компонент отрасли уголовного права, являющийся системой уголовно-правовых норм, которые соответствуют принципам и задачам отрасли, и цель которого заключается в регулировании уголовно-правовых отношений, отличающихся собственным предметом и юридическим фактом.

В основе подхода к определению структуры отраслевых институтов также заложены представления, выработанные общей теорией права. Так, под системой как таковой следует понимать «множество связанных между собой компонентов определенной природы, упорядоченных по отношениям, характеризующихся единством, выраженным в интегральных свойствах и функциях множества»⁶.

Традиционными столпами уголовного права являются категории «преступление» и «наказание», отношение к которым определяло основные черты уголовной политики на всех этапах развития человечества. В силу логики развития первыми нормативно оформляются институты Особенной части, что обусловлено первоочередной потребностью в установлении запрещенных общественно опасных деяний, т. е. в закреплении системы

---

⁶ Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М., 1972.

нормативных предписаний, ограждающих государственную власть и ограничивающих произвол отдельных людей. При этом российское законодательство вплоть до середины XX в. не знало периода, когда все уголовно-правовые институты были сосредоточены в едином нормативном правовом акте.

На протяжении многих веков характерной чертой была самостоятельная кодификация норм об ответственности за разные преступления, подсудные церковному суду, за воинские преступления, а также за уголовные проступки⁷.

Таким образом, отечественный опыт противодействия преступности (прежде всего на уровне регламентации общественно опасных деяний) позволяет говорить о том, что складывается определенное «ядро» преступности. Используя терминологию Ф. Броделя, можно вести речь о глубинном темпоральном уровне преступности, крайне медленно изменяющемся на протяжении всей истории. Количество тех или иных запрещенных деяний варьировалось в зависимости от приоритетов охраны, оставляя неизменными охрану жизни и здоровья человека (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью), государственной власти (посягательство на жизнь государя и основы государственного управления) и собственности (кража, грабеж, разбой).

Другой темпоральный уровень преступности – поверхностный, который определяется конъюнктурными (прежде всего политическими) соображениями и подвергается значительному изменению на отдельных этапах развития общества и государства. Содержание этого уровня может наполняться посредством криминализации и декриминализации деяний, противодействие которым имеет значение на относительно коротком временном промежутке.

---

⁷ Маннс Г.Ю. Общее и специальное предупреждение в уголовном праве. - Иркутск, 1926. С. 25.

Практически идентичная картина характерна для другой основополагающей уголовно-правовой категории – наказания. Эволюция общественного воздействия на преступника прошла долгий путь от смертной казни и изоляции членов племени (общества, полиса, государства) до разветвленной системы наказаний, ранжирующихся от мягких к строгим.

Среди всех имеющихся наказаний история позволяет также определить темпоральные уровни: глубинный и поверхностный. К первому могут быть отнесены смертная казнь, лишение свободы и штраф. Все остальные (исправительные работы, принудительные работы, ссылка, телесные наказания, лишение права занимать определенные должности и др.) имеют конъюнктурный характер или относятся к поверхностному темпоральному уровню.

Выделение темпоральных уровней первоначально имеет прикладной характер и позволяет установить круг общественно опасных деяний, сопутствующих человечеству на протяжении практически всей его истории (убийство, изнасилование, имущественные преступления, преступления против власти), и преступлений, характерных как для отдельных народов и государств, так и в рамках одного государства, но на протяжении относительно короткого промежутка времени.

Выделение темпоральных уровней уголовного закона, на наш взгляд, обладает также методологическим потенциалом, помогая вскрыть и разделить само научное осмысление происходящих в праве перемен, которое также может быть охарактеризовано как глубинное или поверхностное.

Исходя из принципов начальных и отправных положений, обладающих устойчивым и сквозным характером, должны формулироваться, пониматься и использоваться определённые нормы соответствующей отрасли права. В то же время эта базовая и, казалось бы, понятная категория оказывается одной из наиболее дискуссионных и малоразработанных в юридической науке.

Для каждой отрасли права значение категории «принцип» оказывается основополагающим. Ведь именно принципы изучаются в виде требований, обязательные для использования законодателем, правоприменительными органами, организациями и гражданами.

Как отмечает С. В. Чубраков, в уголовной литературе принцип обычно определяется в виде руководящего начала, главной идеи.

Также в специальной литературе справедливо отмечается, что значение категории «принцип» для каждой отрасли права сложно переоценить.

Норма уголовного права - исходный структурный компонент её системы. Комплекс норм, регулирующих однородные общественные отношения в области исполнения наказаний, образует отдельный институт уголовного права: обязательных работ, поощрений и взысканий, применяемых к осужденным, лишенным свободы, и др.

Принципы институтов в теории уголовного права предметом специального исследования не являлись, хотя учеными-пенитенциаристами на это неоднократно обращалось внимание.

Отдельные исследователи выделяют институционные, то есть характерные для отдельных институтов отрасли, принципы в уголовно-исполнительном законодательстве. Об этом говорил ещё в 70-х гг. прошлого столетия Н. А. Стручков. Он отметил, что поможет определить проблему принципов исправительно-трудового права разработка принципов отдельных институтов этой отрасли права. Ключевыми принципами института исполнения наказания в форме лишения свободы (института изменения условий отбывания наказания в пределах института лишения свободы) оказываются следующие:

а) индивидуализация и дифференциация исправительного процесса на основе психолого-педагогической и правовой классификации осужденных;

б) предоставление осужденным помощи в области социальной адаптации.

Существует также точка зрения, согласно которой принципы институтов данной отрасли права в систему классификации общих его принципов включаться не должны.

На наш взгляд, исследование принципов институтов уголовного права относится к числу актуальных его проблем. В отличие от принципов уголовного законодательства, предусмотренных ст. 8 УИК РФ, принципы институтов этой отрасли права не закреплены ни в Конституции Российской Федерации, ни в отечественном уголовном законодательстве. Они растворяются в нем, наполняя собой все внутреннее содержание его юридических норм. Возможно, поэтому в теории уголовного права часто допускается смешение его общих принципов и принципов институтов. Например, И. В. Шмаров такой институт, как развитие полезной инициативы и самодеятельности осужденных, ошибочно относил к принципам всего уголовного законодательства. Аналогичную точку зрения высказывали И. А. Сперанский, А. Е. Наташев и Н. А. Стручков, сформулировав название данного института как принцип развития полезной инициативы осужденных. А. Е. Наташев в другом издании обозначил его как принцип развития полезной инициативы и самодеятельности осужденных.

Представляется, что рассматриваемое положение является не принципом всего отраслевого законодательства, а всего лишь принципом института. Данный институт направлен на решение важных задач, но суть его сводится только к воспитательной работе с осужденными и не обеспечивает регулятивного воздействия на все пенитенциарное законодательство.

У ученых-юристов нет также единого мнения по вопросу о названии и содержании принципов институтов уголовного права.

М.П. Мелентьев и С.Н. Пономарев указывают, «что для института исполнения наказания в виде лишения свободы характерны следующие принципы:

а) соединение наказания в стадии его исполнения с исправительным воздействием;

б) отбывание наказания осужденными в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены;

в) раздельное содержание осужденных в исправительных учреждениях;

г) отбывание осужденными всего срока наказания в одном исправительном учреждении;

д) дифференциация и индивидуализация исправительного процесса на основе правовой и психолого-педагогической классификации осужденных;

е) оказание осужденным помощи в социальной адаптации. Кроме того, они полагают, что к принципам уголовного права относится и принцип «общественно полезный труд - основа исправления и перевоспитания осужденных».

Считаем, что труд, безусловно, относится к принципам уголовного права. Он является основным средством исправления осужденных (ч. 2 от. 9 УИК РФ), однако это один из многочисленных институтов уголовного законодательства, который к принципам, предусмотренным от. 8 УИК РФ, не относится.

От классификации принципов институтов уголовного права следует отличать классификацию собственно его институтов. Последняя может осуществляться по различным критериям. В зависимости от уровня регулируемых правоотношений можно выделить:

а) общеродовые институты - немногочисленную группу институтов, которые относятся ко всем видам уголовных наказаний или ко всем родовым институтам. Сюда относятся институты представления осужденных к амнистии, помилованию, освобождению от наказания (от. 172 УИК РФ);

б) родовые институты, к которым можно отнести исполнение всех 12 видов уголовных наказаний, то есть лишения свободы на определенный срок, пожизненного лишения свободы и др. (от. 44 УК РФ);

в) внутриродовые институты (раздельное содержание разных категорий осужденных по видам режима отбывания наказания и др.).

Принципы институтов уголовного права, как и его отраслевые принципы, предусмотренные ст. 8 УИК РФ, классифицируются по предмету правового регулирования с той лишь разницей, что они определяют более узкий круг правоотношений.

Не вдаваясь в детали классификации института мер поощрений, следует заметить, что данный вариант наиболее конкретно отражает специфику поощрительного института в отношении лиц, лишенных свободы. Отсюда следует, что в институтах уголовного права могут проявляться принципы его институтов различного уровня.

На этой основе представляется возможным сформулировать дефиницию принципов институтов уголовного законодательства: это основополагающие идеи, объединяющие обособленную группу взаимосвязанных юридических норм, регулирующих определенный вид однородных общественных отношений и обладающих спецификой исполнения уголовных наказаний.

В отличие от принципов, предусмотренных ст. 8 УИК РФ, принципы институтов являются более динамичными и подвижными. Они могут формироваться, изменяться на тех или иных этапах развития уголовно-исполнительной политики. Принципы институтов дополняют систему принципов уголовного законодательства, но являются категориями более низкого структурного порядка (уровня), регулируя ограниченный круг уголовно-исполнительных правоотношений.

Особенность принципов институтов, как и доктринальных принципов уголовного права, заключается в том, что их содержание растворено в

нормативных актах и специально нормами уголовного законодательства они не выделяются.

Теория уголовного права неоднозначно относится к концепции места принципа неотвратимости уголовной ответственности в системе основных принципов уголовной ответственности. Это связано с противоположностью мнений ученых правоведов и практикующих юристов. В понимании одних, неотвратимость ответственности реализуется в рамках принципа законности или «правозаконности»⁸. Другие считают, что его основная формулировка, связанная с неотвратимостью ответственности - «каждого за содеянное» - не укладывается, ни в правоприменительный контекст, ни в теорию уголовного права, за исключением отождествления данного принципа с принципом юридического равенства.

Ответственность рассматривается не только в виде института охраны регулятивных правоотношений, но и в виде меры равенства всех субъектов перед законом. Как раз юридическое равенство при наличии соответствующих условий трансформирует ответственность в институт уравнивания субъектов и неотвратимости наступления ответственности⁹. Ответственность в праве определяет правовое содержание юридического равенства с позиции равной меры справедливости и свободы. Соответственно, юридическая ответственность оказывается социально-правовым основанием юридического равенства.

Концепция неотвратимости ответственности, в первую очередь это задача, предназначенная для решения правоохранительными органами, а не принцип права. Преступление не может оставаться не раскрытым, и, как следствие, оставленным без надлежащей правовой оценки со стороны государства и общества.

---

⁸ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: монография. - М.: Юрлитинформ, 2011. С. 20.

⁹ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы обновления уголовного законодательства // Материалы XII Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». - М., 2015. С. 18.

Принцип справедливости предполагает учет интересов потерпевших лиц от преступления и восстановления их прав, хотя бы частично, посредством «неотвратимости ответственности». Вместе с тем, неотвратимость ответственности обеспечивает справедливым содержанием уголовное судопроизводство и является средством обеспечения, поставленных перед ним задач. Это подтверждается наличием в Уголовном кодексе норм, содержащих основания и признаки, допускающие освобождение лица от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям, что в свою очередь выходит за рамки обеспечения неотвратимости уголовной ответственности¹⁰. Однако, по нашему мнению, будет правильной поддержать точку зрения, предусматривающую рассмотрение такого правового явления, как неотвратимость уголовной ответственности необходимо с точки зрения ее принципов.

Неотвратимость ответственности не нашла своей прямой правовой поддержки в Уголовном кодексе РФ и не закрепляет его формального определения. Такое положение объясняется плохой раскрываемостью преступлений, коррупционной составляющей в самой правоохранительной системе, отсутствие прямой политической воли законодателя.

Вместе с тем, с развитием и изменением социальных процессов, глобализацией общества, политики и права, законодатель принимает определенные меры в части реализации основных начал неотвратимости наказания в нормативно-правовых актах. Так, в статье 2 Федерального закона «О противодействии терроризму» в качестве принципа противодействия терроризма прямо закреплен принцип «неотвратимости наказания за осуществление террористической деятельности».

По мнению В.В. Мальцева принцип неотвратимости ответственности проецирует социально-бытовое равенство граждан перед законом и тесно

---

¹⁰ Бажукова Ж.А., Тетерина Т.В. К вопросу о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного правосудия // Российский судья. 2017. №3.

связан с понятием преступления. Такое равенство субъектов перед законом реализуется в действительности только когда большинство преступлений раскрыто, а лица, совершившие преступления привлечены к уголовной ответственности в соответствии с законом¹¹. Учитывая, что «наказуемость» является одним из признаков понятия «преступления», является очевидным, что в основании наказуемости преступления находится неотвратимость ответственности. Следовательно, было бы неправильно и нелогично утверждать, что неотвратимость ответственности не является принципом уголовного права.

Для ответа на поставленный в настоящей статье вопрос требуется раскрыть правовую категорию института уголовного права. Чаще всего, институт уголовного права рассматривается в качестве совокупности тесно взаимосвязанных между собой норм, регулирующих близкие по содержанию общественные отношения либо одну сторону самостоятельного общественного отношения¹². Есть и иные определения относительно института уголовного права. Он представлен как сложный элемент системы уголовного права, поскольку объединяет, определенные нормы с повторяемыми в них предписаниями уголовного законодательства, регулирующие относительно самостоятельную совокупность общественных отношений или какие-либо ее компоненты. Имеются самостоятельные позиции относительно «не института уголовного права, а института уголовно-правовых предписаний»¹³.

Итак, можно сделать вывод, что обобщающим признаком рассмотренных определений выступает «совокупность уголовно-правовых норм» или «совокупность норм, регулирующих однородные общественные

---

¹¹ Мальцев З.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 65.

¹² Бажукова Ж.А., Тетерина Т.В. К вопросу о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного правосудия // Российский судья. 2017. №3.

¹³ Бажукова Ж.А., Тетерина Т.В. К вопросу о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного правосудия // Российский судья. 2017. №3.

отношения». Кроме того, бесспорным является рассмотрение института уголовного права с точки зрения структурного элемента системы уголовного права. Многие институты уголовного права в силу схожести правоотношений и правовых норм их регулирующих, тесно связаны с институтами уголовно-исполнительного права. Многие правовые принципы являются комплексными ввиду того что лежат в основе нескольких отраслей права.

Институт уголовного права - внешне оформленный структурный элемент отрасли уголовного права, являющийся системой уголовно-правовых норм, которые соответствуют принципам и задачам отрасли, и цель которого заключается в регулировании уголовно-правовых отношений, отличающихся собственным предметом и юридическим фактом.

1.2. Структура института уголовного права

Вопрос о внутреннем строении и элементном составе институтов уголовного права при всей его теоретической и прикладной значимости недостаточно исследован наукой. Вместе с тем очевидно, что от его адекватного решения во многом зависит и содержательное наполнение уголовного права, и техника его законодательного оформления, и в конечном итоге качество правоприменительной деятельности.

Уголовно-правовой институт образуют:

1) ядро института — ряд генеральных нормативных предписаний охранительного или регулятивного характера, представляющих собой каждое в отдельности ассоциацию одного главного и одного или нескольких конкретизирующих (вариативных или детализирующих) предписаний;

2) необходимое дополнение — специализированные предписания общего характера: общие, дефинитивные, декларативные;

3) возможное дополнение — специализированные предписания специального типа — коллизионные, оперативные.

Все упомянутые предписания оказываются в тесной взаимосвязи, определяют содержание друг друга, а также порядок использования. Наглядно структуру нормативного материала в институте уголовного права можно представить следующим образом (рис. 1).

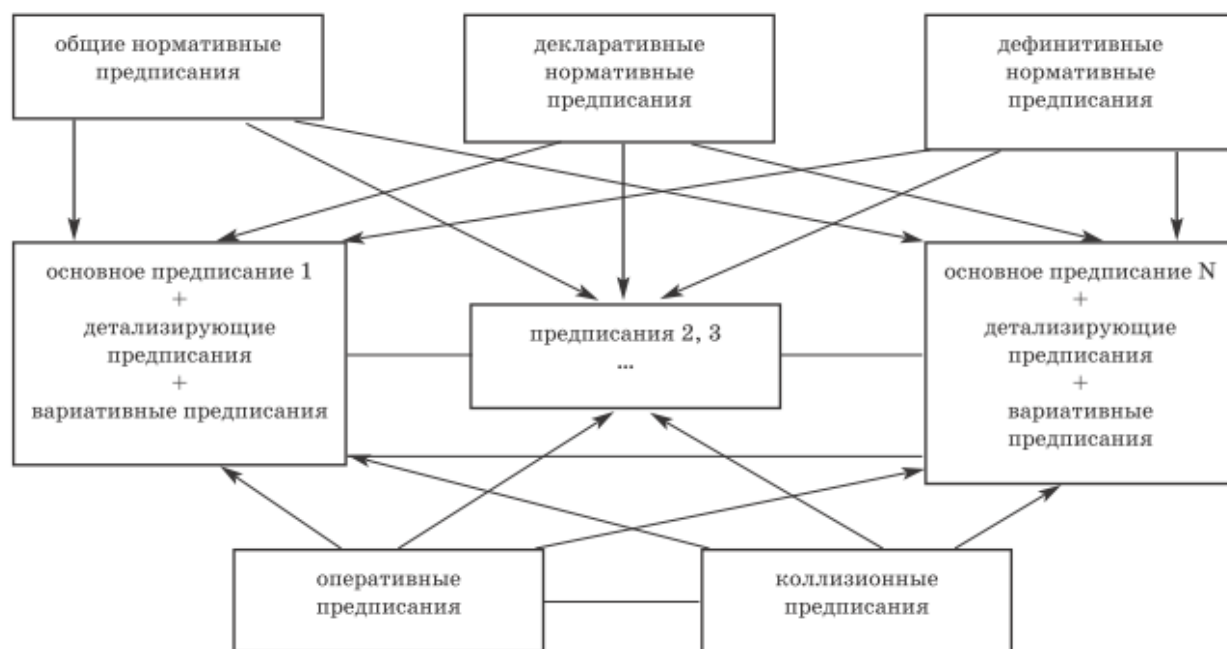

Рис. 1. Структура нормативного материала в институте уголовного права

Вопрос о системе институтов уголовного права также дискуссионный. Отдельные авторы отмечают, что система институтов уголовного права классифицируется в зависимости от содержания и объема. Так, объемные институты наказания и преступления; следом небольшие институты соучастия, незавершённого преступления, условного осуждения, множественности преступлений¹⁴. Коняхин В.П., например, в соответствии с объёмом правовой регламентации института, отмечает «моноинституты», содержащие неделимые юридические нормы, и «дискретные институты», составленные из нормативных, условно обособленных, предписаний или групп предписаний. По своему содержанию институты делят на

¹⁴ Жук М.С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание. - Краснодар, 2010. С. 31.

регулятивные институты, устанавливающие определённые правила поведения, и правоохранные. По комплексности – на смешанные и отраслевые институты. По уровню нормативности институты делятся:

- на типовой институт, объединяющий нормативные предписания, на уровне раздела кодекса с внутренней структурой;
- «родотиповой» институт, объединяющий нормативные предписания, на уровне раздела, но без внутренней структуры;
- родовой институт, объединяющий нормативные предписания, закрепленные внутри раздела, на уровне главы кодекса;
- видовой институт, объединяющий нормативные предписания на уровне группы норм внутри структуры главы кодекса;
- основной институт, объединяющий нормативные предписания, на уровне отдельной статьи кодекса¹⁵.

Относительно такого деления в рамках системы институтов уголовного права можно сказать, что деление институтов их на охранительные и регулятивные, является формальным и вытекает прямо из классификации регулятивных и охранительных норм права, а также функций уголовного права. Помимо этого, такие институты уголовного права как «штраф» априори содержит и регулятивные нормы и охранительные (размер штрафа и негативные последствия его неуплаты).

Для альтернативы можно привести еще классификацию институтов уголовного права. В частности, некоторые специалисты в области уголовного права вводят понятие генеральных (интегрированных) институтов и конкретных, незначительных по сфере действия и объему правового регулирования.

Ю.И. Ляпунов выделяет генеральные институты. Такие как, институты преступления, наказания; уголовной ответственности; принудительных мер уголовно-правового характера. А также - конкретные институты, более

---

¹⁵ Кругликов Л.Л. Уголовное право. Часть общая. – М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 11.

ограниченные по объему правовой регламентации и сфере действия, касающиеся самой сущности и содержания одного из интегрированных институтов, и рассматриваемые как его части. Примерно такая же классификация у Ф.Р. Сундурова. При делении он называет генеральные институты и субинституты. Нам представляется, что выделение в уголовном праве генеральных институтов и субинститутов является целесообразным. Вместе с тем, термин «генеральный» в сочетании с юридическим термином и в контексте правового смысла является по-нашему мнению не совсем удачным, поскольку отражает общую природу понятия «института» и не определяет его юридическую, уголовно-правовую специфичность. Будет уместней использовать в классификации названия «основные» или «ведущие» институты уголовного права» и «субинституты». В теории уголовного права не так часто встретишь классификацию принципов отдельных его институтов. Самым распространенным из них является принцип назначения наказания. Однако, полагаем, что выделение принципов «основных» или «ведущих» институтов было бы вполне обоснованным. Это перспективное направление в развитии уголовно-правовой науки. Хотя создать систему принципов отдельных институтов уголовного права ученые пытались.

Исследуя вопрос распределения принципов института уголовного права в зависимости от указанной выше дифференциации можно утверждать, что определенности в этом вопросе также не имеется. Так, например, отдельные принципы - гуманизм, справедливость, равенство, законность некоторые правоведы относят к общеправовым. Другие ученые распределяют их к принципам отдельного института назначения наказания в уголовном праве¹⁶. Наказание является выражением «общественного неодобрения» совершенного проступка, а размер наказания зависит от

---

¹⁶ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы обновления уголовного законодательства // Материалы XII Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». - М., 2015.

степени его неодобрения, то есть суд решает вопрос о назначении виновному лицу достаточного и справедливого наказания¹⁷. В связи с этим полагаем, что в целях избегания путаницы при рассмотрении какого-либо принципа, необходимым указывать пределах какого института этот принцип используется.

В контексте проведенного анализа имеется необходимость указать на наличие дискуссионного вопроса в области правового влияния принципов уголовного права и уголовной ответственности не только на институты общей части уголовного законодательства, но и на институты особенной части. Отдельных научных работ по данному вопросу нет, его касаются в литературе достаточно редко.

Представляется, что принципы уголовного права оказывают существенное влияние на институты особенной части уголовного права. Нормы особенной и общей части уголовного права отличаются, соответственно, и отличаются правовой институты указанных частей.

Отличия можно увидеть в формах реализации принципов уголовного права на уголовно-правовые институты особенной и общей частей. Например, указание в особенной части противоправного деяния конкретного состава преступления говорит о его криминализации, а, к примеру, ужесточение или смягчение наказания за совершенное преступление применительно к отдельному институту, который предусмотрен особенной частью уголовного кодекса, говорит о реализации принципов уголовного права справедливости и законности в общей его части.

1.3. Институты уголовного права и внешняя форма их выражения

Рассмотрим на примере некоторых институтов уголовного права. Одним из институтов уголовного права является институт необходимой

---

¹⁷ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара, 2001. С. 195.

обороны, так как в любом развивающемся государстве важным элементом правового регулирования признается право личности на оборону от грозящей опасности. В связи с этим несомненный интерес представляет вопрос становления и развития института необходимой обороны.

В Конституции РФ закреплены важные положения о признании и соблюдении основных прав гражданина и человека.

Нормы действующего законодательства о необходимой обороне менялись несколько раз, но это не способствовало стабильности правоприменительной практики. Сами вносимые изменения и дополнения в ст. 37 УК РФ, были далеко не бесспорны. Проблема квалификации необходимой обороны заключается в оценочных признаках, юридическое значение которых зависит от усмотрения правоприменителя и многие из которых трактуются весьма неоднозначно.

В силу изложенных обстоятельств возникающие на практике вопросы, связанные с юридической квалификацией действий граждан в состоянии необходимой обороны, зачастую разрешались на основании разъяснений, изложенных в постановлениях Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда РФ. В их числе можно назвать Постановление Пленума ВС СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»¹⁸ и Постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»¹⁹.

Со стороны законодателя вектор регламентации права гражданина на необходимую оборону осуществлялся по следующим основным

---

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 г. №14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. №5.

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №11, ноябрь, 2012.

направлениям развития соответствующих нормативных предписаний:

- 1) определение правомерности защиты от посягательств на жизнь и здоровье гражданина, а также на половую свободу и половую неприкосновенность женщины;
- 2) регламентация защиты имущества и неприкосновенности жилища;
- 3) регламентация действий, связанных с защитой от криминальных посягательств иного рода.

Юридически субъективное право гражданина на необходимую оборону, во-первых, основано на естественном и неотчуждаемом праве, которым он обладает с момента своего рождения и которое им реализуется объективно и непосредственно, и удовлетворяет потребности в самозащите и безопасных условиях существования, обусловленных самой природой человека. Во-вторых, это признанное за субъектом правоотношений нормами Конституции РФ и УК РФ допустимое и регламентированное законодателем поведение, сопряженное с причинением вреда нападающему. Право на необходимую оборону имеет юридическую природу, которая проявляется в том, что возможность определенного поведения предусмотрена нормами права и его реализация гарантируется государством.

Право на необходимую оборону от общественно опасного посягательства обеспечивает физическую, моральную и социальную неприкосновенность личности и является гарантированным субъективным правом каждого человека и гражданина. В этой связи оно выполняет охранную функцию относительно других субъективных прав личности: права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, на личную и семейную тайну, на защиту чести и достоинства, на частную собственность и неприкосновенность жилища и др.

Несмотря на постоянное совершенствование современной российской законодательной базы, в том числе и уголовно - правовой, ряд вопросов, касающихся юридической оценки конкретных ситуаций и практического

применения некоторых положений ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона», до сих пор остаются нерешенными. До настоящего времени законодательной трактовке необходимой обороны свойственно большое число оценочных понятий, юридическое значение которых зависит от усмотрения правоприменителя и многие из которых трактуются довольно неоднозначно.

Так, одним из них является «неожиданность посягательства». Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» рекомендует в таких случаях при оценке действий лица учитывать время, место, обстановку и способ посягательства, события, ему предшествующие, а также эмоциональное состояние обороняющегося (страх, испуг, замешательства в момент нападения и т.п.)... Например, когда в ночное время преступник проникает в жилище и оборонявшейся, испугавшись не может «объективно оценить степень и характер опасности такого посягательства».

При установлении факта насилия, опасного для жизни и здоровья, Пленум указывает, что о его наличии «могут свидетельствовать причинение вреда здоровью ... или применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни ... (ранение жизненно важных органов, применение оружия, удушение, поджог и т.п.). Оценка субъективного восприятия опасности и неожиданности посягательства порой весьма затруднена и полностью отдана на откуп правоприменителю.

При расследовании уголовного дела по факту убийства С., следователь квалифицировал действия обвиняемого Л. по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

«В судебном заседании государственный обвинитель изменил предъявленное Л. обвинение в сторону смягчения, предложив квалифицировать действия подсудимого по ч. 1 ст. 108 УК РФ. В конечном итоге приговором Федерального суда Автозаводского района г. Тольятти от 16 марта 2009 г. Л. оправдан за отсутствием в его действиях состава

преступления. Анализируя собранные по делу доказательства, суд посчитал, что Л. подвергся внезапному нападению со стороны С., и, зная, что нападавший является наркоманом, видя агрессивное и неадекватное его поведение, почувствовав боль от пореза, обоснованно предположил, что в руках у нападавшего находится острый предмет, достаточно эффективный для лишения его жизни. При этом темное время суток, быстротечность возникшей ситуации, а также ограниченность пространства и, как следствие, близость С., по мнению суда, создали Л. препятствия для объективной оценки характера и степени опасности нападения»²⁰.

Таким образом, одни и те же обстоятельства происшедшего на разных стадиях уголовного процесса получили абсолютно разную юридическую оценку.

Во всех указанных конкретных ситуациях, касающихся вопросов необходимой обороны, окончательное решение зависит от лиц, проводящих доследственную проверку, дознание, расследование (предварительное или судебное), от их профессионального умения установить действительную картину событий, задать нужные вопросы, акцентировав внимание на важнейших мелочах, отличить правдивые показания от заведомо ложных, от независимости и беспристрастности правоприменителей. Формальный подход к расследованию уголовных дел приводит к привлечению к ответственности и осуждению невиновных лиц. Для снижения количества ошибок при расследовании и рассмотрении в суде дел, касающихся защиты от общественно опасного посягательства, Верховному Суду РФ было бы целесообразно разработать более четкие критерии оценки действий нападающего и обороняющегося, избегая таких расплывчатых формулировок как «состояние необходимой обороны может иметь место», «судам необходимо различать» и прочие.

---

²⁰ Уголовное дело №1-155/09 // Архив Федерального суда Автозаводского района г. Тольятти Самарской области

В целях конкретизации субъективного юридического права граждан на необходимую оборону представляется необходимым регламентировать понятие необходимой обороны в ч. 1 ст. 37 УК РФ, диспозицию которой изложить в следующей редакции: «Необходимой обороной являются действия лица, использующего необходимую защиту для того, чтобы предупредить существующее или непосредственно угрожающее противоправное посягательство на охраняемые законом права и интересы обороняющегося или других лиц, а также охраняемые законом интересы общества или государства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны».

Учитывая изложенные обстоятельства, также представляется целесообразным законодательно закрепить право граждан на установление технических устройств в целях обеспечения защиты жилища и иного имущества от общественно опасных посягательств. При этом случаи причинения вреда посягающему в подобных ситуациях необходимо рассматривать по правилам действия гражданина в состоянии необходимой обороны.

Таким образом, необходимая оборона является эффективным средством противодействия общественно опасным посягательствам на важнейшие объекты, защищаемые российским уголовным законом. Она формирует у граждан позицию нетерпимости к нарушениям законодательства, готовность при необходимости самим защищать свои права и законные интересы, а также прийти на помощь неспособному защититься самостоятельно. Возможность пользования данным правом гражданами во многом зависит от того, насколько его гарантирует государство, будет ли дана юридически грамотная и единственно верная оценка действиям лиц, защищающим личные, общественные или государственные интересы. Учитывая важность данного правового

института, необходимы, как уже было отмечено, более четкие рекомендации по юридической квалификации практических ситуаций.

Еще один институт уголовного права – это институт конфискации имущества.

Правовые последствия, которые реализует государство в ответ на совершение запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния, обозначены в ч. 2 ст. 2 УК РФ. В целях эффективного выполнения охранительной и превентивной функций в российском законодательстве установлена «двунаправленная» система таких правовых последствий (наказание и иные меры уголовно-правового характера).

В течение десятилетий конфискации имущества в отечественном уголовном праве была предусмотрена в качестве дополнительного вида наказания. Однако после принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ институт конфискации в уголовном законодательстве перестал существовать, что поставило под вопрос соблюдение Россией ряда международных соглашений в части необходимости применения конфискации имущества за совершение определенных видов преступлений (Конвенция ООН против коррупции, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и др.).

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ нормы о конфискации имущества были возвращены в уголовное законодательство, но уже в «особом» виде – как «иные меры уголовно-правового характера», что по сей день продолжает вызывать серьезные нарекания со стороны научного сообщества и практикующих юристов²¹. Оценивая эффективность норм о конфискации имущества на современном этапе, исследователи указывают на

---

²¹ Бавсун М.В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия на преступность // Вестник Томского государственного университета. 2010. №4.

наличие лишь видимости конфискации имущества как средства противодействия преступности²².

С 2006 г. неоднократно предпринимаются попытки модернизировать нормы о конфискации имущества, однако, как представляется, совершенства в этой области законодатель не достиг. Неудовлетворенность правовой регламентацией данного института, который предполагает изъятие у правонарушителя только связанного с конкретным преступлением имущества, обуславливает наличие многочисленных предложений о пересмотре законодательства в этой сфере. В частности, в проекте закона № 396097–7, который был принят на рассмотрение Государственной Думой РФ 21 февраля 2018 г., предлагается вернуть конфискацию имущества преступника именно в качестве дополнительного наказания при совершении отдельных тяжких и особо тяжких преступлений²³.

Как представляется, возвращение к общей конфискации имущества, которая предполагает принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства любого (полностью либо частично) имущества правонарушителя²⁴, не будет являться верным шагом со стороны законодателя, поскольку, в частности, под вопрос будет поставлено соблюдение принципов справедливости, пропорциональности уголовно-правового воздействия, презумпции невиновности и др.

Сравнительный анализ законодательства зарубежных стран показывает, что все больше государств отказываются от общей конфискации имущества как наказания. Более того, во многих государствах общая конфискация имущества находится под прямым конституционным запретом (Аргентина, Бельгия, Греция, Кипр, Коста-Рика, Мексика, ОАЭ, Румыния,

---

²² Бажукова Ж.А., Тетерина Т.В. К вопросу о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного правосудия // Российский судья. 2017. №3.

²³ Перечень важных документов на стадии принятия // Главная книга. 2018. №6. URL: <http://glavkniga.ru/about/us/gk>

²⁴ Кузнецова О.А., Степанов В.В. Межотраслевая правовая природа конфискации имущества // Журнал российского права. 2018. №2.

Турция и др.). Некоторые исследователи предлагают рассматривать запрет общей конфискации имущества как наивысшую юридическую гарантию охраны права частной собственности²⁵.

В то же время, сужение предмета конфискации до исключительно имущества, связанного с преступлением, не соответствует международно-правовым тенденциям²⁶. Все больше государств идут по пути установления расширенной конфискации, при которой у преступника изымается не только имущество, связанное с преступлением, но и другое имущество, которое является возможным доходом в целом от предшествующей преступлению общественно опасной деятельности лица. В частности, расширенная конфискация применяется в Швеции, Финляндии, Хорватии, Македонии, Черногории, Молдове, Румынии, Эстонии²⁷.

Основная черта, присущая большинству норм о расширенной конфискации в зарубежных законах, заключается в специфике распределения бремени доказывания. Лицо, чье имущество предположительно имеет преступное происхождение (стоимость приобретенного имущества превышает легальные доходы), обязано доказать законность его происхождения.

При невыполнении указанной обязанности «спорное» имущество изымается и обращается в собственность государства.

Согласимся с авторами, которые предлагают российскому законодателю использовать подобный опыт для борьбы с организованной преступностью, преследующей цели обогащения²⁸. При этом мы не видим препятствий к имплементации соответствующих норм в правовую систему

---

²⁵ Качур К. В. Конституционно-правовое закрепление гарантий права частной собственности в зарубежных государствах // Современное право. 2017. №4.

²⁶ Голованова Н.А. Конфискация как реакция на корыстное преступление // Журнал российского права. 2015. №7.

²⁷ Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование / отв. ред. А.С. Автономов. – М.: Юрист, 2017.

²⁸ Кузьмин В.В., Мкртчян Э.А. Контроль за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // Законность. 2018. №3.

нашего государства в дополнение к уже имеющимся правовым предписаниям о специальной конфискации имущества, связанного с преступлением.

Сегодня конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера применяется при совершении в основном преступлений, связанных с посягательством на личность, преступлений коррупционного, экономического и террористического характера. При этом в перечне соответствующих деяний отсутствуют преступления против собственности, поскольку при их совершении причиненный материальный ущерб подлежит возмещению потерпевшему, а не обращению в доход государства²⁹.

Как отмечалось выше, идеология норм о расширенной конфискации имущества имеет существенные отличия от той конфискации, которая сегодня предусмотрена в уголовном законодательстве России, поскольку предполагает изъятие имущества, полученного не от конкретного преступления, а от предшествующей преступлению преступной деятельности лица.

Соответственно, для обращения в пользу государства имущества правонарушителя, стоимость которого превышает легальные доходы лица за определенный период, законодателю необходимо предусмотреть такие преступления, совершение которых с очень высокой степенью вероятности будет свидетельствовать, что все ранее полученное «необъяснимое богатство» приобретено лицом преступным путем. Проще говоря, законодателю необходимо регламентировать случаи, когда правоприменитель будет обязан «погрузиться в прошлое» и провести анализ соотношения активов правонарушителя и его доходов за определенный прошедший период.

---

²⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. Т. 1. – М.: Юрайт, 2017.

В этой части мы предлагаем воспользоваться опытом зарубежных стран, которые уже несколько лет апробируют институт расширенной конфискации.

Так, в Румынии, где расширенная конфискации была введена в 2012 г., одним из условий ее реализации выступает убежденность суда в том, что имущество получено в результате совершения таких преступлений, как отмывание денег, коррупционные преступления, торговля прекурсорами или наркотиками; торговля людьми, нарушение Государственной границы Румынии, порнография, терроризм, преступления против собственности, нарушение режима обращения оружия и боеприпасов, ядерных материалов или других радиоактивных и взрывоопасных веществ, подделка денежных знаков или других ценных бумаг и др.

Уголовное законодательство Молдовы устанавливает, что расширенная конфискации применяется в случае осуждения лица за совершение таких преступлений, как отмывание денег, извлечение выгоды из влияния, незаконное обогащение, получение взятки, дача взятки и др. При этом одним из условий реализации данной меры является наличие в деянии корыстных побуждений.

В уголовном законодательстве Эстонии сформулировано, как представляется, очень важное правило, согласно которому правовое значение для реализации расширенной конфискации имеет юридическая природа совершенного преступления, разница между легальным доходом виновного и его финансовым благосостоянием или иные факты, которые могут привести к разумному предположению о приобретении активов в результате совершения преступления³⁰.

Полагаем, что преступления, при совершении которых в перспективе возможно применение расширенной конфискации в России, также должны

---

³⁰ Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование / отв. ред. А.С. Автономов. – М.: Юрист, 2017.

иметь характерную природу, которая с высокой степенью вероятности, на основе объективного предположения будет свидетельствовать о преступном характере ранее приобретенных правонарушителем активов. При этом, как представляется, тяжесть, степень общественной опасности преступления не должны быть приоритетными в вопросе определения соответствующих критериев. Суть расширенной конфискации как перспективной иной меры уголовно-правового характера не в наказании лица, совершившего преступление, а в обращении в доход государства имущества, приобретенного преступным путем. При реализации данной меры правонарушитель не претерпевает дополнительных страданий и поражения в своих правах, а по факту лишается лишь того имущества, которое находится у него незаконно. При законопослушном поведении лицо не вправе было бы владеть и пользоваться данным имуществом. При реализации расширенной конфискации государство в лице органов уголовной юстиции лишь приводит в соответствие имущественное положение лица, совершившего преступление, до уровня имущественного положения, который имел бы место в случае законопослушного поведения данного гражданина.

Например, предусмотренные в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ квалифицированные виды убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ) как основания для конфискации имущества, полученного в результате совершения преступления, как представляется, не в полной мере в перспективе могут выступать в качестве преступлений, совершение которых будет основанием для применения расширенной конфискации имущества.

Так, если лицо совершает убийство женщины, заведомо для него находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ), то правоприменителю будет сложно сделать вывод, что все имущество правонарушителя, стоимость которого превышает стоимость легальных доходов, скорее всего, приобреталось преступным путем. Но если же лицо осуждается за получение взятки (ст. 290 УК РФ) и при этом владеет

«необъяснимым богатством», то, учитывая высокую степень латентности коррупционных преступлений, вероятность преступного происхождения иных активов правонарушителя будет очень высока.

Таким образом, для российского законодателя вполне приемлемым было бы использование опыта зарубежных стран в части регламентации расширенной конфискации за преступления, имеющие характерную для «необъяснимого богатства» природу и (или) совершенные с корыстной мотивацией.

Ряд зарубежных государств, применяющих нормы о расширенной конфискации, в качестве одного из условий для реализации данной меры обозначают определенный минимальный вид и размер наказания, назначенный виновному. Например, уголовное законодательство Эстонии в качестве одного из оснований для реализации расширенной конфискации имущества указывает назначение виновному лицу наказания в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет³¹.

Подобные законодательные решения считаем верными, но не с точки зрения необходимости применения данной меры в случаях определенного уровня общественной опасности совершенного деяния и необходимости дополнительной кары для правонарушителя. Как указывалось выше, карательное содержание присуще наказанию³², а иные меры уголовно-правового характера, к которым предлагается относить расширенную конфискацию имущества, такового лишены³³. Подобное правило установления минимального порога наказания для реализации рассматриваемой меры было бы актуальным для российского варианта регламентации расширенной конфискации в плане усиления вероятности

---

³¹ Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование / отв. ред. А. С. Автономов. – М.: Юрист, 2017.

³² Орлов В.Н. Применение и отбывание уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015.

³³ Бавсун М.В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия на преступность // Вестник Томского государственного университета. 2010. №4.

достоверности вывода о преступном происхождении «неподтвержденных» активов преступника.

Например, осуждение лица за неквалифицированный коммерческий подкуп по ч. 1 ст. 204 УК РФ либо неквалифицированное взяточничество по ч. 1 ст. 290 УК РФ чаще всего не предполагает назначение наказания в виде лишения свободы. Допустим, лицо незаконно получило 10 000 руб. в качестве предмета взятки либо подкупа. Степень общественной опасности подобного деяния в контексте полученного виновным размера «неосновательного обогащения» вряд ли может свидетельствовать о том, что все имущество, которым владеет правонарушитель, превышающее стоимость легальных доходов, ранее приобреталось преступным способом. И, напротив, получение правонарушителем 10 000 000 руб. в качестве предмета взятки либо коммерческого подкупа повлечет осуждение лица по ч. 6 ст. 290 УК РФ, либо ч. 8 ст. 204 УК РФ, и назначение наказания в виде лишения свободы будет вполне реальным. В данном случае сумма преступного обогащения, «масштаб» преступления и самого преступника явно усиливают степень вероятности вывода о преступном происхождении ранее полученных лицом активов.

Соответственно, можно сделать вывод об определенной зависимости целесообразности реализации расширенной конфискации имущества от вида и размера назначенного виновному лицу наказания, что подтверждает возможность использования в этой части опыта зарубежных государств для российского варианта изложения соответствующих норм.

Считаем верным также рассмотреть продолжительность предшествующего преступлению периода приобретения имущества правонарушителем и получения им доходов, который правоприменителю необходимо брать во внимание при реализации норм о расширенной конфискации.

Так, в упомянутых выше законодательствах зарубежных государств продолжительность этого периода, как правило, составляет пять лет³⁴.

Вместе с тем полагаем, что в этой части мы можем опираться на уже имеющийся отечественный опыт противодействия «сомнительным доходам» государственных и муниципальных служащих. В настоящее время все большее распространение получает судебная практика, связанная с реализацией Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», в ст. 17 которого обозначено право прокуратуры в рамках гражданского судопроизводства обратиться в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых лицом не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы.

В части 1 ст. 4 указанного закона обозначено, что основанием для принятия решения об осуществлении контроля за расходами лица является достаточная информация о том, что данным лицом в течение отчетного периода совершены сделки по приобретению имущества на общую сумму, превышающую общий доход данного лица за три последних года, предшествующих отчетному периоду.

Соответственно, законодатель в этой сфере ограничился трехлетним периодом, который анализируется на предмет соответствия расходов должностного лица его доходам и учитывается при выявлении «сомнительного» имущества, подлежащего обращению в доход государства. Как представляется, в целях обеспечения единообразного системного подхода в вопросах регулирования схожих общественных отношений

---

³⁴ Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование / отв. ред. А. С. Автономов. - М.: Юрист, 2017.

указание на необходимость сопоставления активов и доходов лица за три года, предшествующие совершению преступления, будет вполне логичным при регламентации в уголовном законодательстве России норм о расширенной конфискации.

Считаем необходимым обратить внимание и на способ описания эквивалента превышения стоимости активов, полученных в период, предшествующий совершению преступления, над законными доходами правонарушителя как основание для применения расширенной конфискации имущества. Чаще всего законодательство упомянутых выше государств содержит правило, что для реализации данной меры стоимость активов должна «значительно», «существенно» либо «явно» превышать законные доходы правонарушителя³⁵, что, на наш взгляд, является верным. Существование оценочных понятий в праве неизбежно³⁶ и в данном случае полностью оправдано, поскольку, вероятнее всего, установление точных формальных критериев превышения стоимости активов над денежным эквивалентом доходов правонарушителя обязательно создаст сложности в правоприменительной практике и не сможет учесть все многообразие пропорций и соотношений в данном вопросе.

Важным также представляется использование опыта зарубежных государств, установивших правило, что для реализации положений о расширенной конфискации имущества учитывается не только имущество, которое принадлежит непосредственно лицу, совершившему преступление, но и стоимость активов, переданных членам семьи правонарушителя; лицам, с которыми осужденный имеет близкие отношения и проживает совместно; юридическим лицам, принадлежащим либо контролируемым осужденным. При этом для выявления разницы между легальными доходами и стоимостью полученных активов во внимание также должна приниматься реальная

---

³⁵ Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование / отв. ред. А. С. Автономов. - М.: Юрист, 2017. С. 76.

³⁶ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. - М., 1963.

стоимость товаров на момент их получения и фактические расходы, понесенные осужденным.

Представляется справедливой и оправданной презумпция незаконности безвозмездной передачи имущества правонарушителю либо аффилированным с ним лицам, когда, если не доказано обратное, считается, что имущество имеет незаконное происхождение, если оно получено бесплатно или за плату, которая не соответствует его фактической стоимости³⁷.

На основании изложенного полагаем, что внедрение норм о расширенной конфискации имущества в уголовное законодательство России является перспективным направлением уголовной политики государства, соответствующим международным тенденциям, и может выступать в форме компромиссного варианта при рассмотрении вопроса о возвращении конфискации имущества как вида наказания.

Институт понятых одна из самых древних форм общественного контроля. Участие граждан в роли понятых при проведении различных следственных действий является многолетней эволюцией права. Институт понятых существует уже более четырехсот лет.

Если в советское время участие понятых имело идеологическую подоплеку (наряду с народными заседателями), то в условиях развития информационных технологий и внедрения компьютерной техники в деятельность государственных органов, оно становится нецелесообразным. Более того, на данном этапе применение института понятых обусловлено рядом существенных проблем.

Говоря о распространенности данного института в законодательствах различных государств, следует заметить, что в Великобритании, Германии, США, Канаде, Франции и других западных странах институт понятых

---

³⁷ Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. И.С. Власов. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2014. С. 31.

отсутствует. Исключение составляет государство Израиль, в котором при производстве обыска жилища, полицейские обязаны предоставить двух понятых, но в случаях, когда иные проживающие в нем лица возражают против их присутствия, либо при ситуации, не требующей отлагательств, обыск возможен и без них.

Анализ ст. 170 УПК РФ показал, что все следственные действия можно разделить на три группы по признаку участия в них понятых:

1. Следственные действия, участие понятых в которых обязательно;
2. Следственные действия, при проведении которых следователь может выбрать участие понятых или применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия;
3. Следственные действия, участие понятых в которых не обязательно.

К первой группе относятся следственные действия, участие понятых в которых является обязательным. УПК РФ предусматривает следующие действия: обыск, личный обыск, выемка электронных носителей информации, предъявление для опознания. По нашему мнению, данный перечень стоит уменьшить, исключив из него выемку электронных носителей информации и предъявление для опознания. В данных следственных действиях возможна эффективная замена участия понятых видео-фиксацией. Поиск понятых необоснованно усложняет и замедляет ход следственного мероприятия. Видео-фиксация является наиболее объективным и всеобъемлющим средством закрепления хода следственного действия, а значит и гарантом соблюдения прав участников процесса. Так, в судебной практике часто можно встретить ситуацию, когда на судебном заседании понятые отказываются от своих показаний, которые были ими даны в ходе следствия по различным причинам (не мог объективно оценивать ситуацию, был в состоянии алкогольного опьянения, невнимательно следил за ходом следственных действий и т.д.). Более того понятой субъективно оценивает происходящие действия, чаще всего не знает

нормы УПК, следовательно не может оценить правильность проведения следственного действия, а также может быть подкуплен заинтересованным лицом. Безусловно, видеоматериалы можно смонтировать, однако это трудоемкий процесс, факт которого можно установить с помощью проведения экспертизы.

Тем не менее, полная отмена института понятых невозможно в связи с тем, что такое следственное действия как личный обыск не этично проводить с использованием видео-, фотосъемки. В данном случае участие понятых обеспечивает соблюдение законности. В случае проведения обычного обыска также целесообразно применять институт понятых. Данное действие обычно занимает большую продолжительность времени и может проводиться параллельно двумя группами. Снабдить все группы техническими средствами представляется достаточно затратным.

Вторая группа включает в себя следственные действия, при проведении которых следователь может выбрать участие понятых или применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия. К ним относятся: наложение ареста на имущество, осмотр, следственный эксперимент, выемка, осмотр трупа, эксгумация, осмотр, выемка и снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений, их осмотр и выемка, осмотр и прослушивание фонограммы, проверка показаний на месте.

Согласно УПК РФ, фиксацией любого следственного действия является протоколирование. Все остальные средства, в том числе и фотосъемка, видеосъемка выступают в качестве дополнительных и могут применяться по усмотрению следователя, а полученные материалы являются приложениями к протоколу следственного действия. Нормативная конструкция части 1.1. статьи 170 УПК РФ порождает правовую неопределенность в вопросе применения средств фиксации хода и результатов следственного действия. Возникает вопрос, какое именно

средство фиксации необходимо использовать следователю и дознавателю при проведении конкретного мероприятия.

В ходе исследования был проведен социологический опрос сотрудников следственных органов г. Вологда, г. Санкт-Петербург и г. Москва. Анализ результатов опроса показал, что практика по-разному подходит к решению данного вопроса. Следователи города Санкт-Петербург являются новаторами в данной сфере, и используют все правовые и технические возможности, которые позволяет УПК РФ. Практически все следственные действия второй группы они производят с фото-фиксацией хода и результатов процесса.

Следователи г. Вологды и г. Москвы используют понятых при проведении практически всех следственных действий второй группы, в исключительных случаях используется видео-фиксация. Данная практика обусловлена тем, что на стадии судебного следствия часто доказательства, добытые без участия понятых, признаются незаконными. Так, суд не признал доказательство допустимым, поскольку в протоколе не было отражено, что производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, и не усматривается судом, что на момент его составления, опасность имело место. Однако УПК позволяет проведение данного следственного действия без участия понятых с помощью видео-фиксации, и все остальные требования закона были соблюдены.

Из этого можно сделать вывод, что целесообразно было бы разделить данную группу следственных действий на две: с фото-фиксацией (выемка, осмотр предметов и документов) и с видео-фиксацией (предъявление для опознания, осмотр трупа, осмотр места происшествия, эксгумация, проверка показаний на месте, следственный эксперимент). Наложение ареста на наш взгляд не требует ни участия понятых, ни фиксации техническими средствами. Осмотр и прослушивание фонограммы, согласно УПК РФ, проводится с участием специалиста и лиц, чьи телефонные и иные

переговоры записаны. Поэтому в данном случае тоже не требуются дополнительные средства фиксации.

Осмотр предметов и документов чаще всего занимает большое количество времени. На практике возникает ситуация, когда понятые реально не участвуют при проведении следственного действия, а удостоверяют своей подписью уже готовый протокол, поэтому целесообразно в данном следственном мероприятии применить именно фото-фиксацию. Осмотр трупа и эксгумацию также нецелесообразно проводить в присутствии понятых. Данные действия могут нанести психологическую травму лицам, которые не подготовлены к подобным зрелищам. Это значит, что понятой не сможет объективно запечатлеть совершаемые мероприятия и не может быть гарантом соблюдения прав участников процесса. Также стоит отметить, что УПК РФ не предусматривает обязанности для гражданина быть понятым, а это значит, что любой человек может отказаться от этой роли.

Данное положение создает ситуацию, при которой сотрудникам правоохранительных органов достаточно сложно найти понятых, особенно для участия в продолжительных или неэстетичных следственных действиях.

Согласно социологическому опросу, большинство следователей в своей работе испытывают проблемы в поиске понятых. Все это свидетельствует о том, что для повышения эффективности следственной деятельности необходимо уменьшить число участия понятых в следственных мероприятиях.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на длительное развитие институтов уголовного права, в их использовании существует множество проблем.

Глава 2. Проблемы классификации и систематизации институтов уголовного права

2.1. Классификация институтов уголовного права

От классификации принципов институтов уголовного права следует отличать классификацию собственно его институтов. Последняя может осуществляться по различным критериям. В зависимости от уровня регулируемых правоотношений можно выделить:

а) общеродовые институты - немногочисленную группу институтов, которые относятся ко всем видам уголовных наказаний или ко всем родовым институтам. Сюда относятся институты представления осужденных к амнистии, помилованию, освобождению от наказания (от. 172 УИК РФ);

б) родовые институты, к которым можно отнести исполнение всех 12 видов уголовных наказаний, то есть лишения свободы на определенный срок, пожизненного лишения свободы и др. (от. 44 УК РФ);

в) внутривидовые институты (раздельное содержание разных категорий осужденных по видам режима отбывания наказания и др.).

Принципы институтов уголовного права, как и его отраслевые принципы, предусмотренные от. 8 УИК РФ, классифицируются по предмету правового регулирования с той лишь разницей, что они определяют более узкий круг правоотношений. Например, в институте мер поощрения выделяются следующие три классификационные группы принципов:

1) принципы применения поощрительных норм к осужденным, вытекающие из общеотраслевых или базовых принципов права, законности, гуманизма, демократизма поощрительных норм;

2) принципы применения поощрительных норм, вытекающие из межотраслевых принципов права;

3) принципы применения поощрительных норм, отражающие содержание отраслевых принципов уголовного права.

Не вдаваясь в детали классификации института мер поощрений, следует заметить, что данный вариант наиболее конкретно отражает специфику поощрительного института в отношении лиц, лишенных свободы. Отсюда следует, что в институтах уголовного права могут проявляться принципы его институтов различного уровня.

На этой основе представляется возможным сформулировать дефиницию принципов институтов уголовного законодательства: это основополагающие идеи, объединяющие обособленную группу взаимосвязанных юридических норм, регулирующих определенный вид однородных общественных отношений и обладающих спецификой исполнения уголовных наказаний.

В отличие от принципов, предусмотренных ст. 8 УИК РФ, принципы институтов являются более динамичными и подвижными. Они могут формироваться, изменяться на тех или иных этапах развития уголовно-исполнительной политики. Принципы институтов дополняют систему принципов уголовного законодательства, но являются категориями более низкого структурного порядка (уровня), регулируя ограниченный круг уголовно-исполнительных правоотношений.

Особенность принципов институтов, как и доктринальных принципов уголовного права, заключается в том, что их содержание растворено в нормативных актах и специально нормами уголовного законодательства они не выделяются.

Теория уголовного права неоднозначно относится к концепции места принципа неотвратимости уголовной ответственности в системе основных принципов уголовной ответственности. Это связано с противоположностью мнений ученых правоведов и практикующих юристов. В понимании одних, неотвратимость ответственности реализуется в рамках принципа законности

или «правозаконности»³⁸. Другие считают, что его основная формулировка, связанная с неотвратимостью ответственности - «каждого за содеянное» - не укладывается, ни в правоприменительный контекст, ни в теорию уголовного права, за исключением отождествления данного принципа с принципом юридического равенства.

Ответственность рассматривается не только в виде института охраны регулятивных правоотношений, но и в виде меры равенства всех субъектов перед законом. Как раз юридическое равенство при наличии соответствующих условий трансформирует ответственность в институт уравнивания субъектов и неотвратимости наступления ответственности³⁹. Ответственность в праве определяет правовое содержание юридического равенства с позиции равной меры справедливости и свободы. Соответственно, юридическая ответственность оказывается социально-правовым основанием юридического равенства.

Концепция неотвратимости ответственности, в первую очередь это задача, предназначенная для решения правоохранительными органами, а не принцип права. Преступление не может оставаться не раскрытым, и, как следствие, оставленным без надлежащей правовой оценки со стороны государства и общества.

Принцип справедливости предполагает учет интересов потерпевших лиц от преступления и восстановления их прав, хотя бы частично, посредством «неотвратимости ответственности». Вместе с тем, неотвратимость ответственности обеспечивает справедливым содержанием уголовное судопроизводство и является средством обеспечения, поставленных перед ним задач. Это подтверждается наличием в Уголовном кодексе норм, содержащих основания и признаки, допускающие

---

³⁸ Кругликов Л.Л. Уголовное право. Часть общая. - М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 11.

³⁹ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы обновления уголовного законодательства // Материалы XII Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». - М., 2015.

освобождение лица от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям, что в свою очередь выходит за рамки обеспечения неотвратимости уголовной ответственности. Однако, по нашему мнению, будет правильной поддержать точку зрения, предусматривающую рассмотрение такого правового явления, как неотвратимость уголовной ответственности необходимо с точки зрения ее принципов.

Неотвратимость ответственности не нашла своей прямой правовой поддержки в Уголовном кодексе РФ и не закрепляет его формального определения. Такое положение объясняется плохой раскрываемостью преступлений, коррупционной составляющей в самой правоохранительной системе, отсутствие прямой политической воли законодателя.

Вместе с тем, с развитием и изменением социальных процессов, глобализацией общества, политики и права, законодатель принимает определенные меры в части реализации основных начал неотвратимости наказания в нормативно-правовых актах. Так, в статье 2 Федерального закона «О противодействии терроризму» в качестве принципа противодействия терроризма прямо закреплен принцип «неотвратимости наказания за осуществление террористической деятельности»⁴⁰.

По мнению В.В. Мальцева принцип неотвратимости ответственности проецирует социально-бытовое равенство граждан перед законом и тесно связан с понятием преступления. Такое равенство субъектов перед законом реализуется в действительности только когда большинство преступлений раскрыто, а лица, совершившие преступления привлечены к уголовной ответственности в соответствии с законом. Учитывая, что «наказуемость» является одним из признаков понятия «преступления», является очевидным, что в основании наказуемости преступления находится неотвратимость ответственности. Следовательно, было бы неправильно и нелогично

---

⁴⁰ Федеральный закон от 06.03.2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. №48, 10.03.2006

утверждать, что неотвратимость ответственности не является принципом уголовного права.

Для ответа на поставленный в настоящей работе вопрос требуется раскрыть правовую категорию института уголовного права. Чаще всего, институт уголовного права рассматривается в качестве совокупности тесно взаимосвязанных между собой норм, регулирующих близкие по содержанию общественные отношения либо одну сторону самостоятельного общественного отношения.

Есть и иные определения относительно института уголовного права: «он представлен как сложный элемент системы уголовного права, поскольку объединяет, определенные нормы с повторяемыми в них предписаниями уголовного законодательства, регулирующие относительно самостоятельную совокупность общественных отношений или какие-либо ее компоненты. Имеются самостоятельные позиции относительно «не института уголовного права, а института уголовно-правовых предписаний»⁴¹.

Итак, можно сделать вывод, что обобщающим признаком рассмотренных определений выступает «совокупность уголовно-правовых норм» или «совокупность норм, регулирующих однородные общественные отношения». Кроме того, бесспорным является рассмотрение института уголовного права с точки зрения структурного элемента системы уголовного права. Многие институты уголовного права в силу схожести правоотношений и правовых норм их регулирующих, тесно связаны с институтами уголовно-исполнительного права. Многие правовые принципы являются комплексными ввиду того что лежат в основе нескольких отраслей права.

Вопрос о системе институтов уголовного права тоже дискуссионный. Некоторые авторы, указывают, что система институтов уголовного права классифицируется в зависимости от объема и содержания. Например,

---

⁴¹ Бажукова Ж.А., Тетерина Т.В. К вопросу о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного правосудия // Российский судья. 2017. №3.

объемные институты преступления и наказания; следом небольшие институты соучастия, неоконченного преступления, условного осуждения, множественности преступлений. Коныхин В.П., например, в зависимости от объема правовой регламентации института, выделяет «моноинституты», включающие неделимые юридические нормы, и «дискретные институты», состоящие из нормативных, относительно обособленных, предписаний или групп предписаний. По содержанию институты подразделяет на регулятивные институты, устанавливающие правила поведения и правоохранительные. По комплексности - на отраслевые институты и смешанные. По степени нормативности институты делятся:

- на типовой институт, объединяющий нормативные предписания, на уровне раздела кодекса с внутренней структурой;
- «родотиповой» институт, объединяющий нормативные предписания, на уровне раздела, но без внутренней структуры;
- родовой институт, объединяющий нормативные предписания, закрепленные внутри раздела, на уровне главы кодекса;
- видовой институт, объединяющий нормативные предписания на уровне группы норм внутри структуры главы кодекса;
- основной институт, объединяющий нормативные предписания, на уровне отдельной статьи кодекса.

Относительно такого деления в рамках системы институтов уголовного права можно сказать, что деление институтов их на охранительные и регулятивные, является формальным и вытекает прямо из классификации регулятивных и охранительных норм права, а также функций уголовного права. Помимо этого, такие институты уголовного права как «штраф» априори содержит и регулятивные нормы и охранительные (размер штрафа и негативные последствия его неуплаты).

Для альтернативы можно привести еще классификацию институтов уголовного права. В частности, некоторые специалисты в области уголовного

права вводят понятие генеральных (интегрированных) институтов и конкретных, незначительных по сфере действия и объему правового регулирования. Ю. И. Ляпунов выделяет генеральные институты. Такие как, институты преступления, наказания; уголовной ответственности; принудительных мер уголовно-правового характера. А также - конкретные институты, более ограниченные по объему правовой регламентации и сфере действия, касающиеся самой сущности и содержания одного из интегрированных институтов, и рассматриваемые как его части⁴².

Примерно такая же классификация у Ф.Р. Сундурова. При делении он называет генеральные институты и субинституты. Нам представляется, что выделение в уголовном праве генеральных институтов и субинститутов является целесообразным. Вместе с тем, термин «генеральный» в сочетании с юридическим термином и в контексте правового смысла является по-нашему мнению не совсем удачным, поскольку отражает общую природу понятия «института» и не определяет его юридическую, уголовно-правовую специфичность. Будет уместней использовать в классификации названия «основные» или «ведущие» институты уголовного права» и «субинституты». В теории уголовного права не так часто встретишь классификацию принципов отдельных его институтов. Самым распространенным из них является принцип назначения наказания. Однако, полагаем, что выделение принципов «основных» или «ведущих» институтов было бы вполне обоснованным. Это перспективное направление в развитии уголовно-правовой науки. Хотя создать систему принципов отдельных институтов уголовного права ученые пытались.

Таким образом, рассмотрели классификацию институтов уголовного права.

---

⁴² Ветров Н.И., Ляпунова Ю.И. Уголовное право. Общая часть. - М. 1997. С. 13.

2.2. Предпосылки системного анализа институтов уголовного права

Уголовное право, как правовая отрасль, является системой правовых норм, которые направлены на защиту интересов государства, защиту прав граждан и охраняемых интересов, их собственности, охрану правопорядка и обязательны для исполнения всеми субъектами государства. Наука уголовного права изучает юридические факты, устанавливающие состав преступления, которые будут являться основаниями для привлечения лица к уголовной ответственности.

Предметом исследования уголовно-правовой науки выступает система уголовно-правовых норм, которые регулируют определенные правоотношения, связаны с причиной и следствием преступлений, практикой исследования и возможностью законодательного регулирования.

В юридической литературе термины уголовного права традиционно рассматриваются в связи с понятиями уголовного законодательства, которые следует дефинировать, либо в качестве системы соответствующих понятий, имеющих специальное значение.

В наиболее концентрированном виде сведения о терминах в уголовном праве рассмотрены в монографии А.В. Иванчина, автор которой ограничивается замечанием, что терминология является ядром уголовно-правового языка, а затем излагает общие сведения: термины - это слова (преступление, умысел, хищение) или словосочетания (уголовная ответственность, тяжкие последствия, должностное лицо), обозначающие определенные понятия. К числу требований, предъявляемых к терминам, А.В. Иванчин относит:

- а) однозначность;
- б) общепризнанность;

в) устойчивость, а также подразделяет имеющиеся в уголовном законе термины на общеупотребительные, юридические и технические⁴³.

Аналогичные сведения об уголовно-правовой терминологии содержат работы других специалистов по уголовному праву. Вместе с тем А.И. Бойко, посвятивший терминам уголовного закона часть параграфа, в качестве требований, предъявляемых к терминам, наряду с однозначностью лексического значения уголовно-правовых терминов выделяет их профессиональную заданность и родовидовую системность, то есть связь (или сопряженность) терминов друг с другом⁴⁴. Тем самым указанный автор высказал идею о существовании терминосистемы уголовного права, но в дальнейшем эта продуктивная идея своего развития не получила.

На наш взгляд, проблемы терминологической системы уголовного права не ограничиваются общими сведениями о терминологии уголовного закона, которые изложены в работах по уголовному праву и законодательной технике в уголовном правотворчестве. Терминосистема уголовного права закрепляет не просто систему понятий уголовного закона, но и систему понятий уголовно-правовой доктрины, лежащей в основе действующего Уголовного кодекса Российской Федерации.

Новейшее терминоведческое определение понятия «термин» гласит: «Термин - это явление, которое углубляет познание в процессе перехода от концепта - мыслительной категории - к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, осмысляющей ту или иную область знаний и практической деятельности».

Это означает, что уголовно-правовые термины связаны не с понятиями вообще, а с понятиями определенной уголовно-правовой теории или концепции, и в рамках конкретных теоретических положений сопряжены

---

⁴³ Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: монография. - М.: Юрлитинформ, 2011. С. 105.

⁴⁴ Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е. - М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 71.

между собой как элементы терминологической системы уголовного права. При этом термины в уголовном праве обозначают юридически значимые (уголовно-релевантные) понятия, в то время как общеупотребительные слова и словосочетания обозначают обыденные понятия, которые не имеют терминологической специфики, то есть не функционируют в качестве понятий, образующих терминосистему уголовного права, посредством которой моделируются уголовно-правовые предписания, институты, связанные с концептуальными положениями уголовного права. Эту нагрузку имеют только термины уголовного права, образующие его терминосистему.

Следует отметить, что в уголовно-правовой литературе последнего десятилетия предпринимаются исследования уголовно-правовых институтов с позиций законодательной текстологии, развивающие и углубляющие законодательную технику ради нужд уголовного права. Специалисты по законодательной текстологии оперируют такими понятиями как доктринальные и законодательные концепты (единицы уголовно-правовых знаний), поверхностный (конструктивный) и глубинный (концептуальный) уровни уголовного закона⁴⁵. Тем самым понятийно-терминологический аппарат уголовного законодательства рассматривается во взаимосвязи с ментальными и вербальными уголовно-правовыми концептами, связанными с теоретическими (концептуальными) положениями уголовно-правовой доктрины. Вместе с тем закономерности формирования терминосистемы уголовного права в работах по законодательной текстологии по вполне понятным причинам не рассматриваются.

Отметим определенные закономерности. В тех случаях, когда уголовно-правовая концепция или теория претерпевает серьезные изменения или признается неверной, термины, обозначающие ее понятия, исключаются их законодательного оборота и становятся достоянием истории. В связи с изменением концептуальных положений соучастия в преступлении были

---

⁴⁵ Ситникова А.И. Уголовно-правовая текстология: монография. - М.: Проспект, 2016. С. 56.

детерминированы такие понятия, как скоп, заговор, шайка. Напротив, с течением времени получили законодательное закрепление такие доктринальные понятия (концепты), как соучастие без предварительного сговора и соучастие с предварительным сговором, которые в несколько измененном виде вошли в уголовный закон.

На наш взгляд, проблема терминосистемы уголовного права, особенно в свете разработки новых уголовно-правовых предписаний, является перспективным направлением уголовно-правовых исследований. Исключительная важность исследования терминосистемы уголовного права, закономерностей ее формирования и функционирования определяется тем, что концептуализация уголовно-правовых явлений осуществляется путем создания теоретических положений и уголовно-правовых конструкций, включающих в себя понятия, которые выступают в качестве терминов уголовного законодательства, отражающих его отраслевую принадлежность и специфику.

Уголовной политикой называют деятельность государства, которая направлена на защиту его граждан и организаций от возможных преступлений и преступных посягательств, разработку способов, методов и задач борьбы с уголовными преступлениями. В частности, в структуре уголовной политики состоит криминологическая, уголовно-процессуальная⁴⁶, уголовно-исполнительная и иная политика, которая реализуется на разных уровнях, в том числе правоприменительном, законодательном, управленческом или научном уровне, целями которых выступает сдерживание преступности и обеспечение безопасности в обществе в целом.

Под сравнительным уголовным правом следует понимать часть правовых знаний об уголовном законодательстве различных уголовно-правовых систем разных стран, которые изучаются с целью анализа и

---

⁴⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. №54 (ч. 1). Ст. 4921.

сопоставления принципов уголовно-правовых систем, их природы возникновения и развития, способов исполнения наказаний.

Отдельной отраслью уголовного права выступает криминология⁴⁷, которая тесно связана общими идеями с уголовным правом, но при этом является более глубокой, так как призвана отыскивать источники возникновения преступности с целью предотвращения этого явления. При изучении причин преступлений криминология старается разработать средства и методы противостояния развитию преступности как негативному явлению в обществе.

Преступность является социальным явлением и происходит от противоправного поведения (деяния) индивидуума, направленного против иного лица, государства или организации. Очень часто преступность рождается в асоциальной среде, в которой общество склонно к насилию, пьянству, наркомании, психическим расстройствам, агрессии и ненависти на различной почве⁴⁸. Снижение уровня преступности зависит от изменения социальной среды общества, борьбы с негативными ее проявлениями, обеспеченной наказуемостью за каждое преступление. В свою очередь, такое явление, как безнаказанность, порождает самоуправство, отрицание закона, игнорирование прав иных лиц в угоду властным структурам, бандитизм⁴⁹.

Причинами преступности занимается наука криминалистика, она призвана исследовать обстоятельства, способствующие возникновению преступления, способы развития и реализации преступления, и разрабатывает меры противодействия рецидивам преступления. Как утверждают криминалисты, причинами преступления могут быть семейно-бытовые споры, желание обогатиться за чужой счет, желание сэкономить заработанные средства, а также причины асоциального характера, которые

---

⁴⁷ Шестаков Д.А. Криминология. - СПб: «Юридический центр Пресс», 2006. С. 125.

⁴⁸ Закон РФ от 21.07.1993 г. №5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. №33. Ст. 1316.

⁴⁹ Шестаков Д.А. Криминология. - СПб: «Юридический центр Пресс», 2006. С. 115.

толкают лицо на преступление, когда оно находится в состоянии опьянения, наркотического или токсического опьянения, в состоянии аффекта, ненависти и мести.

Основным методом борьбы с преступностью является повышение культурного образования населения, формирование фундаментальных принципов сознания с детского возраста, обучение толерантности, взаимоуважению, терпимости и уважению чужого мнения, прав иных лиц.

В настоящее время уголовно-исполнительная политика определяет цели, стратегические планы, формирует принципы и формы обеспечения исполнения наказаний за совершенные преступления в соответствии с решениями или постановлениями судов РФ, направленных на исправление осужденных граждан и формирование политики предотвращения повторных наказаний. Основным субъектом уголовно-исполнительной политики выступает государство в лице его исполнительных органов: президента, министров, прокуратуры, федеральных учреждений пенитенциарного типа, законодательных органов - Федерального собрания, которое принимает уголовно-исполнительные законодательные акты, и судебных органов, выносящих постановления по осужденным лицам.

Уголовно-исполнительная политика реализуется в правоприменительной, законодательной и правоохранительной формах⁵⁰ и применяется как в условиях изоляции осужденного лица, так и в отношении потенциальных преступников в рамках досудебного дознания и следствия.

Таким образом, главная задача уголовно-исполнительной политики - перевоспитание преступника, внушение ему принципов общественной морали и соблюдения правил взаимоотношений в обществе на основе соблюдения законов, договоров и правил поведения. В частности, не допускается нарушение прав осужденных, унижение их чести и достоинства, издевательства над ним, лишение его обеспеченных государством способов

---

⁵⁰ Волженкин Б.В. Уголовное право и криминология // Правоведение. 1976. №2. С. 79-89.

защиты и общения с внешним миром при изоляции, и напротив, поощряется желание осужденного культурно развиваться, учиться, получать специальное образование, трудиться, вступать в брак и получать право на амнистию при достойном исправлении поведения⁵¹. Государство, выступая гарантом прав и свобод любого гражданина, должно выстраивать диалог с осужденными лицами с целью создания единой модели исправления, основанной на изменении самосознания преступника.

---

⁵¹ Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. №4. С. 154-161.

Глава 3. Перспективы развития институтов российского уголовного права

3.1. Основные направления совершенствования системы институтов российского уголовного права

Первое направление связано главным образом с познанием внутриотраслевых, внутриинституциональных и межотраслевых связей системы уголовно-правовых предписаний. Частные аспекты этой важной проблемы хорошо изучены в трудах, посвященных проведению анализа отдельных институтов уголовного права, что позволяет избавить нас от потребности повторения уже известных истин. В связи с этим укажем только отдельные концептуальные позиции, последовательное выполнение которых должно помочь развитию и укреплению системных начал отрасли уголовного права.

1. Так как содержание уголовно-правовых институтов и норм изначально определено предметом уголовно-правового регулирования, то очевидно, что одним из основных направлений дальнейшего развития отрасли должно быть обеспечение отраслевой чистоты формирующих ее институтов. Исследователи уже давно обратили особое внимание на то, что ряд предусмотренных в УК РФ положений не является собственно уголовно-правовыми.

В частности, нормы, регламентирующие вопросы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены наказания более мягким видом, освобождения от наказания в связи с болезнью, на взгляд Б.Т. Разгильдиева, имеют определённое отношение к регулированию уголовно-исполнительных отношений, и в связи с этим ст. 79, 93, 80, 81 УК РФ следует изъять из УК РФ и разместить в УИК РФ.

Нормы, которые определяют юридические последствия совершения общественно опасного деяния в состоянии невменяемости, в соответствии с позицией отдельных исследователей, тоже не относятся к регулированию уголовно-правовых отношений. Поэтому их нужно изъять из УК РФ.

Нормы, касающиеся помилования и амнистии, Н.Д. Дурманов и Ю.М. Ткачевский отнесли к регулированию не уголовно-правовых, а государственно-правовых (конституционных) отношений.

Отдельные эксперты отмечают гражданско-правовое содержание в нормах, регулирующих разные вопросы, связанные с конфискацией имущества.

Нормы, которые устанавливают основание уголовного преследования за совершение каких-либо преступлений против интересов службы в коммерческих и других предприятиях, по мнению Н.А. Егоровой и Б.В. Волженкина, обладают уголовно-процессуальным характером и должны быть исключены из УК РФ.

В нашу задачу не включается проведение анализа упомянутых выше позиций. Примем за данность, что проблема добавления в уголовное законодательство неуголовно-правовых предписаний на практике имеется, и в ближайшее время её следует устранить.

2. Обратной стороной «очищения» отрасли от нехарактерных ей предписаний выступает тенденция консолидации в институтах уголовного права предписаний, регулирующих уголовно-правовые отношения и размещённых сейчас в нормативных актах другой отраслевой принадлежности 14. Изучим характерные примеры проблемных ситуаций, отмеченные наукой:

– УПК РФ, осуществляя регулирование разных вопросов экстрадиции, на взгляд А.И. Джигирь, «буквально вторгается в сферу действия уголовного права» и включает в себя материально-правовые по собственной природе предписания, которые следует поместить в уголовный закон;

– в ч. 2 ст. 443 УПК РФ представлена формулировка, по сути, уголовно-правового предписания, к тому же противоречащего положениям УК РФ, по которому принудительные медицинские меры не назначаются людям, которые совершили «деяние небольшой тяжести»;

– на основании ст. 16 Закона РФ от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности», допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий во исполнение служебного задания, что, на взгляд С.В. Пархоменко, оказывается неоправданным с позиции сущности этого социально полезного деяния, регулирование последствий которого должно осуществляться непосредственно в УК РФ.

Список рассогласований между уголовно-правовым содержанием и нормативно-отраслевым оформлением (закреплением) различных правовых предписаний можно продолжить. Понятно, что до их устранения следует организовать большую работу по ревизии всей совокупности отечественного законодательства на предмет обнаружения в нём уголовно-правовых предписаний, их обработки и помещения с учётом институциональной принадлежности в систему уголовного законодательства.

3. Важным направлением в области развития отрасли выступает последовательное дифференцирование институтов Особенной и Общей частей уголовного права, укрепление и сохранение их функционального предназначения. С учётом того, что Общая часть выполняет системообразующую функцию и ее институты включают в себя самые обобщенные предписания, относящиеся ко всем положениям Особенной части, а также принимая во внимание, что Особенная часть должна содержать предписания, относящиеся только (или в первую очередь) к регламентации ответственности за некоторые виды преступного поведения, перспективами развития отрасли необходимо определить:

– сосредоточение в Общей части уголовного права определений всех важнейших терминов и понятий, используемых в Особенной части во время описания признаков составов преступлений;

– исключение из Общей части и добавление в Особенную (в виде примечаний) специальных предписаний, относящихся только к отдельным составам преступлений (например, правил об особенностях условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким вариантом наказания для лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних).

4. Системный характер отрасли предполагает, чтобы институты Особенной части формировались при строгом учёте единого критерия — родового объекта посягательств. В то же время наука подтверждает, что некоторые правовые предписания помещаются законодателем в ту или иную главу Особенной части УК РФ без достаточных на это оснований, дезавуируя объект уголовно-правовой охраны и вызывая нарушение внутренней целостности уголовно-правовых институтов. Так, например, С.В. Дьяков обосновывает потребность в перемещении в главу о преступлениях против безопасности государства различных деяний, которые предусмотрены ст. 186, 191, 193, 208, 212, 322, 323 УК РФ.

А.Б. Мельниченко предложил перенести в гл. 29 УК РФ ст. 205, 205 1 , 205 2 , 206, 207, 208, 210, 212⁵².

Д.В. Царев, наоборот, признаёт преступление, которое предусмотрено ст. 282 УК РФ, посягательством не на конституционный строй, а на мир и безопасность человечества 20. А.И. Коробеев к различным преступлениям против безопасности движения транспорта отнёс деяние, которое предусмотрено ст. 166 УК РФ, и при этом предложил исключить из гл. 27 УК РФ преступления, которые предусмотрены ст. 269 и 271 УК РФ 21 . И.А.

---

⁵² Жук М.С. Пути совершенствования системы институтов российского уголовного права // Lex Russica. 2015. Т.101. №4. С. 46-59.

Клепицкий полагает, что за рамками системы экономических преступлений оказываются деяния, предусматриваемые ст. 169, 170, 174, 174 1 , 175, 179, 184 УК РФ 22 . Ю.Е. Пудовочкин считает преступлениями против несовершеннолетних лиц деяния, предусматриваемые ст. 134 и 135 гл. 18 УК РФ 23.

Список предложений, которые направлены на улучшение институциональной принадлежности уголовно-правовых норм Особенной части, можно продолжить. В то же время в рамках текущей работы не получится выполнить проверку истинности законодательного определения родового объекта для каждого состава преступления и провести анализ всех высказанных по данному поводу в научных трудах суждений. Из-за этого ограничимся общим утверждением о том, что важный вопрос о системе преступлений, посягающих на какой-либо родовой объект, в настоящее время остается открытым и нуждается в последующем дополнительном изучении. Представляется всё же, что это больше задача учёных, занимающихся исследованием отдельных групп преступлений в Особенной части УК РФ.

5. Учитывая, что уголовно-правовой институт призван обеспечить непротиворечивое и целостное влияние на конкретную группу общественных отношений, одним из ключевых направлений дальнейшего развития отрасли можно признать оптимизацию внутренней структуры институтов Особенной части уголовного права с помощью обобщения и одновременной детализации образующих их предписаний. Она должна достигаться с помощью:

- увеличения в институтах Особенной части количества общезакрепительных и дефинитивных предписаний;
- последовательного развития института квалифицирующих признаков, в том числе с помощью их консолидации для конкретных групп преступлений 24;

– развития и детализации предписаний Особенной части в актах судебной интерпретации уголовного закона (например, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ).

Рассмотренные направления улучшения внутренней структуры и содержания уголовно-правовых институтов, при всей их безусловной значимости, решают в первую очередь разные тактические проблемы улучшения уголовного права и закона. С позиции стратегии дальнейшего развития отрасли, значительно важнее изучение разных вопросов о достаточности имеющихся и возможности формирования новых институтов уголовного права. Соответствующие рассуждения, которые ориентированы на перспективу, конечно, потребуют последующей детальной проработки, согласования допустимых вариантов оптимизации системы уголовно-правовых институтов со сложившейся системой уголовного права, межотраслевого согласования. При этом их практическое воплощение — дело будущего. И всё же как раз такие рассуждения определяют концептуальные параметры дальнейшего развития отрасли уголовного права и её приспособления к динамично изменяющимся политическим, социальным, экономическим и другим условиям жизнедеятельности.

Не претендуя на исчерпывающую характеристику всех возможных направлений преобразования системы уголовно-правовых институтов, определим отдельные, по нашему мнению, самые перспективные и значимые из них.

3.2. Институциональные предпосылки формирования подотраслей российского уголовного права

Указанные в первой главе процессы разделения фундаментальных и прикладных проблем, имеющих свои темпоральные характеристики (глубинные и поверхностные), позволяют сделать вывод о том, что в

ближайшее время (минимум 7-10 лет) будет осуществляться углубление дифференциации средств правового регулирования, в связи с чем будет наблюдаться появление новых отраслей и подотраслей права. Так, Г.А. Есаков выделил ряд признаков подотраслей уголовного права:

1) наличие уголовной ответственности в особой сфере охраняемых уголовным законодательством общественных отношений или применительно к особой категории субъектов;

2) наличие не только отдельной группы деяний в Особенной части, но и присущих им относительно автономных институтов и норм Общей части, замещающих или уточняющих «общеуголовные» институты и нормы;

3) определённое научное признание этой подотрасли⁵³.

А.И. Рарог добавляет, что для признания отдельной совокупности норм подотраслью уголовного права требуется также наличие существенной регулятивной базы, регулирующей те общественные отношения, которые поставлены под охрану совокупностью уголовно-правовых норм, формирующих подотрасль уголовного права⁵⁴. Динамичность обновления законодательства не дает каких-либо оснований сомневаться, что это условие реализуется.

Оба ученых указывают на то, что в настоящее время уже можно говорить о появлении нескольких подотраслей уголовного права: экономического, военного, международного, экологического, наркотического, фармацевтического. Этот процесс полностью укладывается в рамки указанного процесса расщепления права и законодательства, ранее характерного только для культурных процессов.

В противовес этой точке зрения уголовное право воспринимается в виде крайне традиционной, консервативной отрасли права, отражающей

---

⁵³ Есаков Г.А. Кодификация и подотрасли уголовного права // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права «Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее». - М., 2013. С. 76-79.

⁵⁴ Рарог А.И. Новая подотрасль (?) уголовного права // Материалы XV Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». - М., 2018.

сформировавшийся опыт и традиции разрешения уголовно-правового конфликта. Это предопределяет особо бережное отношение к традициям, к постулатам сформировавшихся (традиционных) школ уголовного права.

А.В. Наумов в связи с этим указывает на то, что корни современного уголовного права находятся в идеях, которые были выдвинуты в XVIII-XIX вв. Человечество уже к тому времени смогло сформулировать главные уголовно-правовые идеи, и теперь они прошли проверку веками. Какое-либо новое уголовное право не появится, а будет происходить органическое развитие старого с его адаптацией к новым реалиям⁵⁵.

Л.В. Иногамова-Хегай в схожем ключе утверждает, что концепция обновления УК РФ заключается в изложении его положений в соответствии с принципами, закреплёнными в статьях 3-8 УК РФ: законности, равенства граждан перед законом, справедливости, вины и гуманизма⁵⁶.

Вероятно, движение уголовного права будет идти по линии появления отдельных подотраслей с разработкой для них особых положений, традиционно входивших в систему Общей части. На определенном этапе расщепление материи уголовного права приведет к полной рассогласованности или дублированию Общей части и отдельных подотраслей, входящих в систему Особенной части. Одним из вариантов устранения негативных результатов этого процесса может быть сведение уголовного закона исключительно к общим положениям, «руководящим началам» или «основам». Задачей теоретической науки, или науки глубинного темпорального уровня, выступает поиск самых общих закономерностей, принципов и подходов, способных удовлетворить потребности и объединить отдельные подотрасли уголовного права.

---

⁵⁵ Наумов А.В. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. №4. С. 135-138.

⁵⁶ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы обновления уголовного законодательства // Материалы XII Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». - М., 2015. С. 67.

К таким объединяющим началам, безусловно, можно отнести следующее: принципы уголовного закона; действие уголовного закона во времени и пространстве; понятие и виды преступления; вину; неоконченное преступление; соучастие в преступлении; обстоятельства, исключающие преступность деяния; понятие, виды и цели наказания, общие начала его назначения; освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Представляется, что в рамках отдельных подотраслей способна сформироваться специфическая система общих положений. В частности, экономическое уголовное право может в рамках своего предмета регулирования определить понятие субъекта преступления (ликвидация юридического лица) и их размеры, основания освобождения от ответственности, специальные принципы назначения наказания (кратные штрафы, конфискация) и т. д.

Все это позволит, во-первых, не перегружать УК РФ, создавая дублирующие или противоречивые конструкции общего характера применительно к общим и специфическим группам правоотношений,

во-вторых, учесть и отразить индивидуальность того или иного вида правоотношений, охраняемых уголовным законом,

в-третьих, снимет напряженность в научных кругах, устранив разработку проблемы «слома» системы уголовного права, распределив усилия между проработкой текущих проблем практического характера (прикладной уровень, отраслевое уголовное право) и вопросов глубинного уровня, собственно теоретической науки (фундаментальный уровень, общие начала уголовного права).

Таким образом, уголовное право воспринимается как крайне консервативная отрасль права, отражающая сложившийся опыт и традиции разрешения уголовно-правового конфликта. Это предопределяет бережное отношение к традициям, к постулатам уголовного права.

Одновременно с этим большинством исследователей признается необходимость адаптации законодательства к стремительно изменяющейся жизни общества с целью адекватного сдерживания проявляющихся угроз.

Снятию противоречий между стабильностью и изменчивостью может как раз способствовать деление уголовно-правовой материи на темпоральные уровни со своим специфическим набором требований:

1) бережной и тщательной проработки глубинных вопросов (формирование круга общественно опасных деяний, представляющих главные угрозы обществу и государству, спектра и размеров наказаний за такие деяния) с привлечением научной среды и общественности посредством широкой экспертной проработки и изучения мнения населения;

2) оперативности и маневренности в вопросах поверхностного темпорального уровня, направленных на решение текущих вызовов (например, уголовно-правовое реагирование на развитие цифровых технологий и биотехнологий), которые могут быть самостоятельно инициированы и проведены в жизнь государственными органами с дальнейшей корректировкой на основе обобщения результатов применения тех или иных норм.

Заключение

В результате проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Вопрос о системе институтов уголовного права является дискуссионным, а значит, не имеет единообразного научного подхода и понимания.

Некоторые авторы указывают, что система институтов уголовного права классифицируется в зависимости от объема и содержания. Например, объемные институты преступления и наказания; далее относительно небольшие институты соучастия, неоконченного преступления, условного осуждения, множественности преступлений.

Другие специалисты в зависимости от объема правовой регламентации института, выделяют «моноинституты», включающие неделимые юридические нормы, и «дискретные институты», состоящие из нормативных, относительно обособленных, предписаний или групп предписаний. По содержанию институты подразделяют на регулятивные институты, устанавливающие правила поведения и правоохранные.

По комплексности институты уголовного права делятся на отраслевые институты и смешанные.

По степени нормативности институты делятся:

- на типовой институт, объединяющий нормативные предписания, на уровне раздела кодекса с внутренней структурой;
- «родотиповой» институт, объединяющий нормативные предписания, на уровне раздела, но без внутренней структуры;
- родовой институт, который объединяет нормативные предписания, зафиксированные внутри раздела, на уровне отдельной главы кодекса;
- видовой институт, который объединяет нормативные предписания на уровне группы норм внутри структуры главы кодекса;

– основной институт, который объединяет нормативные предписания, на уровне отдельной статьи кодекса.

Относительно такого деления в рамках системы институтов уголовного права можно сказать, что деление институтов на охранительные и регулятивные, является формальным и прямо вытекает из классификации регулятивных и охранительных норм права, а также функций уголовного права. Помимо этого, такие институты уголовного права как «штраф» априори содержит и регулятивные нормы и охранительные (размер штрафа и негативные последствия его неуплаты).

В качестве альтернативы можно привести и иную классификацию институтов уголовного права. В частности, некоторые специалисты в области уголовного права вводят понятие генеральных (интегрированных) институтов и конкретных, незначительных по сфере действия и объему правового регулирования. К числу генеральных институтов относятся институты: преступления, наказания; уголовной ответственности; принудительных мер уголовно-правового характера.

Конкретные институты более ограничены по объему правовой регламентации и сфере действия, касаются самой сущности и содержания одного из интегрированных институтов, и рассматриваются как его части.

Примерно такая же классификация у Ф.Р. Сундурова. При делении он называет генеральные институты и субинституты. Нам представляется, что выделение в уголовном праве генеральных институтов и субинститутов является целесообразным. Вместе с тем, термин «генеральный» в сочетании с юридическим термином и в контексте правового смысла является по нашему мнению не совсем удачным, поскольку отражает общую природу понятия «института» и не определяет его юридическую, уголовно-правовую специфичность. Будет уместней использовать в классификации названия «основные» или «ведущие» институты уголовного права» и «субинституты».

В теории уголовного права не так часто встретишь классификацию принципов отдельных его институтов. Самым распространенным из них является принцип назначения наказания. Однако, полагаем, что выделение принципов «основных» или «ведущих» институтов было бы вполне обоснованным. Это перспективное направление в развитии уголовно-правовой науки. Хотя создать систему принципов отдельных институтов уголовного права ученые пытались.

В работе получили своё развитие такие уголовно-правовые институты, как: институт необходимой обороны, институт конфискации имущества, институт помилования.

Уголовное право, как правовая отрасль, является системой правовых норм, которые направлены на защиту интересов государства, защиту прав граждан и охраняемых интересов, их собственности, охрану правопорядка и обязательны для исполнения всеми субъектами государства. Наука уголовного права изучает юридические факты, устанавливающие состав преступления, которые будут являться основаниями для привлечения лица к уголовной ответственности.

Предметом исследования уголовно-правовой науки выступает система уголовно-правовых норм, которые регулируют определенные правоотношения, связанные с причиной и следствием преступлений, практикой исследования и возможностью законодательного регулирования.

В юридической литературе термины уголовного права традиционно рассматриваются в связи с понятиями уголовного законодательства.

В качестве главных направлений совершенствования системы институтов российского уголовного права можно выделить следующие:

1. Так как содержание уголовно-правовых институтов и норм изначально определено предметом уголовно-правового регулирования, то очевидно, что одним из основных направлений дальнейшего развития отрасли должно быть обеспечение отраслевой чистоты формирующих ее

институтов. Исследователи уже давно обратили особое внимание на то, что ряд предусмотренных в УК РФ положений не является собственно уголовно-правовыми.

2. Обратной стороной «очищения» отрасли от нехарактерных ей предписаний выступает тенденция консолидации в институтах уголовного права предписаний, регулирующих уголовно-правовые отношения и размещённых сейчас в нормативных актах другой отраслевой принадлежности.

3. Важным направлением в области развития отрасли выступает последовательное дифференцирование институтов Общей и Особенной частей уголовного права, сохранение и укрепление их функционального предназначения.

4. Системный характер отрасли предполагает, чтобы институты Особенной части формировались при строгом учёте единого критерия — родового объекта посягательств. В то же время наука подтверждает, что некоторые правовые предписания помещаются законодателем в ту или иную главу Особенной части УК РФ без достаточных на это оснований, дезавуируя объект уголовно-правовой охраны и вызывая нарушение внутренней целостности уголовно-правовых институтов. Так, например, С.В. Дьяков обосновывает потребность в перемещении в главу о преступлениях против безопасности государства различных деяний, которые предусмотрены ст. 186, 191, 193, 208, 212, 322, 323 УК РФ.

5. Учитывая, что уголовно-правовой институт призван обеспечить непротиворечивое и целостное влияние на конкретную группу общественных отношений, одним из ключевых направлений дальнейшего развития отрасли выступает оптимизация внутренней структуры институтов Особенной части уголовного права с помощью обобщения и параллельной детализации предписаний, которые их образуют.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что изучение институтов российского уголовного права должно продолжаться, с учётом фундаментальности данной категории в контексте науки уголовного права. Ведь, как представляется, именно качественная научная проработка базовых, фундаментальных категорий науки уголовного права может позволить действительно усовершенствовать действующее уголовное законодательство, а не произвести в нём ряд хаотичных и бессистемных изменений, вводящих диссонанс в правоприменительную практику.

Основной для изменений, вносимых в УК РФ, всегда должно являться соответствующее научное обоснование, позволяющее сохранить единство системы уголовного законодательства и прочность нормативного регулирования институтов отечественного уголовного права.

Список используемых источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // СЗ РФ. 2014. №31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. №54 (ч. 1). Ст. 4921.
4. Федеральный закон от 06.03.2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. №48, 10.03.2006
5. Закон РФ от 21.07.1993 г. №5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. №33. Ст. 1316.
6. Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература, 1975.
7. Бавсун М.В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия на преступность // Вестник Томского государственного университета. 2010. №4.
8. Бажукова Ж.А., Тетерина Т.В. К вопросу о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного правосудия // Российский судья. 2017. №3.
9. Ветров Н.И., Ляпунова Ю.И. Уголовное право. Общая часть. - М. 1997.
10. Волженкин Б.В. Уголовное право и криминология // Правоведение. 1976. №2.
11. Голованова Н.А. Конфискация как реакция на корыстное преступление // Журнал российского права. 2015. №7.

12. Есаков Г.А. Кодификация и подотрасли уголовного права // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права «Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее». - М., 2013.
13. Жук М.С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание. - Краснодар, 2010.
14. Жук М.С. Пути совершенствования системы институтов российского уголовного права // Lex Russica. 2015. Т.101. №4.
15. Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: монография. - М.: Юрлитинформ, 2011.
16. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы обновления уголовного законодательства // Материалы XII Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». - М., 2015.
17. Качур К. В. Конституционно-правовое закрепление гарантий права частной собственности в зарубежных государствах // Современное право. 2017. №4.
18. Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М., 1972.
19. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара, 2001.
20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. Т. 1. – М.: Юрайт, 2017.
21. Кругликов Л.Л. Уголовное право. Часть общая. - М.: Волтерс Клувер, 2011.
22. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. - М., 1963.
23. Кузнецова О.А., Степанов В.В. Межотраслевая правовая природа конфискации имущества // Журнал российского права. 2018. №2.

24. Кузьмин В.В., Мкртчян Э.А. Контроль за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // Законность. 2018. №3.
25. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е. - М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
26. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. - М., 1998.
27. Мальцев З.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004
28. Маннс Г.Ю. Общее и специальное предупреждение в уголовном праве. - Иркутск, 1926.
29. Наумов А.В. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. №4
30. Орлов В.Н. Применение и отбывание уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015.
31. Перечень важных документов на стадии принятия // Главная книга. 2018. №6. URL: <http://glavkniga.ru/about/us/gk>
32. Рарог А.И. Новая подотрасль (?) уголовного права // Материалы XV Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». - М., 2018.
33. Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование / отв. ред. А. С. Автономов. - М.: Юрист, 2017.
34. Ситникова А.И. Уголовно-правовая текстология: монография. - М.: Проспект, 2016.
35. Степанова В.В. Эволюция понятия юридической ответственности в истории досоветского права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. №2.

36. Генчов Э.С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. 1986. №8.

37. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. И.С. Власов. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2014.

38. Шестаков Д.А. Криминология. - СПб: «Юридический центр Пресс», 2006.

39. Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. №4.

40. Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование / отв. ред. А.С. Автономов. – М.: Юрист, 2017.

41. Яценко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. - М., 1996.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №11, ноябрь, 2012.

43. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 г. №14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. №5.

44. Уголовное дело №1-155/09 // Архив Федерального суда Автозаводского района г. Тольятти Самарской области

45. Development Prospects for Criminal Law of the Russian Federation// <https://studall.org/all2-156295.html>

46. EURASIAN LAW JOURNAL №3(46)2012 // <https://eurasianlaw.ru/en/2012/3-46-2012>

47. The Fundamental Concept of Crime in International Criminal Law: A Comparative Law Analysis// <https://b-ok.org/book/2159617/db84fe>

48. Journal of Advanced Research in Law and Economics Contemporary Features and Development Prospects of the Russian Criminal Legislation // <https://journals.aserspublishing.eu/jarle/article/view/1008>

49. [Russian law: theory and practice](#)// Objective conditions for criminal liability of legal entities in the russian federation and prospects of its introduction// [Fedorov Aleksandr V.](#)// <https://elibrary.ru/item.asp?id=25821829>